

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1988

3

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

3

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ, акад. АН УзССР
С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕ-
РОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР
Г. А. ПУГАЧЕНКОВА (*зам. главного редактора*), чл.-кор.
АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, чл.-кор. АН УзССР
Р. Х. АМИНОВА, чл.-кор. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ,
чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редак-
тора*), чл.-кор. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, чл.-кор. АН
УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН УзССР А. Х. ХИК-
МАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист.
наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист.
наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХ-
МАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор
филос. наук Т. С. САИДБАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. сек-
ретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Негматова*

Сдано в набор 31.03.88 г. Подписано к печати 14.04.88 г. P01558. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,95. Уч.-изд. л. 6,6.
Тираж 915. Заказ 91. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан»: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1988 г.

ТВОРЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО — ВАЖНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУКИ

В решениях XXVII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС выдвинуты актуальнейшие задачи дальнейшего развития советской науки. Особое значение в этом деле имеют всемерное улучшение и укрепление координации и кооперации научных исследований в масштабе всего Союза и каждого региона, развитие взаимосвязей ученых братских республик, научных центров страны, совместная разработка важнейших проблем естественных и общественных наук. Исходя из этого, Академия наук Узбекской ССР расширяет и укрепляет творческие связи с Академиями наук братских республик, другими научными центрами СССР и зарубежных стран. Ярким примером тому служит заключение в марте 1988 г. Договора о творческом сотрудничестве Академий наук Узбекской и Таджикской ССР на 1988—1995 гг., текст которого приводится ниже.

ДОГОВОР

О творческом сотрудничестве Академии наук Узбекской ССР и Академии наук Таджикской ССР на 1988—1995 годы

Академия наук Узбекской ССР и Академия наук Таджикской ССР, руководствуясь решениями XXVII съезда КПСС по развитию науки и ускорению научно-технического прогресса, в целях повышения уровня и эффективности научно-исследовательских работ, рационального использования уникального научного оборудования и приборов, дальнейшего улучшения работы по подготовке и повышению квалификации научных кадров, а также укрепления творческих связей и дружбы ученых братских республик заключают настоящий Договор и принимают следующие обязательства:

1. Проводить в 1988—1995 годах совместные научно-исследовательские работы по региональным проблемам естественных и общественных наук.

2. Осуществлять совместное обсуждение полученных результатов и их публикацию, разработку рекомендаций по использованию результатов законченных работ в народном хозяйстве и дальнейшем развитии исследований.

3. Предоставлять для успешного выполнения совместных исследований имеющиеся в академиях наук опытно-экспериментальные базы, уникальное оборудование и приборы.

4. Сотрудничать в области подготовки и повышения квалификации научных и инженерно-технических кадров, шире используя для этого

целевую аспирантуру и стажировку специалистов в учреждениях академий наук Узбекистана и Таджикистана.

5. Передавать результаты законченных научно-исследовательских работ, имеющих практическое значение для народного хозяйства договаривающихся братских республик, с целью последующей их реализации в производстве; оказывать постоянную помощь по взаимному внедрению этих разработок в народное хозяйство Узбекской ССР и Таджикской ССР.

6. Практиковать:

— проведение совместных совещаний, конференций, семинаров, школ и «круглых столов» с целью обсуждения результатов научных исследований и планов научных работ по региональным проблемам;

— оказание научной и научно-методической помощи на местах;

— обмен представляющими взаимный интерес исходными материалами и опытом работы в области планирования и координации научно-исследовательских работ, внедрения научных разработок в народное хозяйство и интеграции науки и производства, а также по укреплению творческих связей с министерствами и ведомствами, производственными организациями, отраслевыми научно-исследовательскими учреждениями и вузами.

7. Поручить главному ученому секретарю Президиума АН Узбекской ССР Д. А. Мусаеву и главному ученому секретарю Президиума АН Таджикской ССР Х. М. Саидмурадову в трехмесячный срок разработать план совместных научно-исследовательских работ и представить их на рассмотрение президиумов академий наук.

8. Включать ежегодно в планы научно-исследовательских работ научных учреждений обеих академий наук темы и задания, вытекающие из настоящего Договора о творческом сотрудничестве.

9. Ход выполнения Договора обсуждать ежегодно в I квартале на заседаниях президиумов академий наук.

Президент Академии наук
Узбекской ССР,
член-корр. АН СССР
П. К. Хабибуллаев

Президент Академии наук
Таджикской ССР,
член-корр. АН СССР
М. С. Асимов

12 марта 1988 г.

Проблемы экологии Арала и социально-экономического развития Приаралья

Г. В. ВОРОПАЕВ, Г. Х. ИСМАЙЛОВ, А. А. БОСТАНДЖОГЛО

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНО-ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ РЕК БАССЕЙНА АРАЛЬСКОГО МОРЯ С УЧЕТОМ ДОСТИЖЕНИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

В широком смысле научно-технический прогресс (НТП) — процесс получения и накопления знаний и их полезного использования в жизни общества. НТП — сложный, многоаспектный объективный процесс создания и материализации знаний — изучен еще недостаточно. Такие его характеристики, как динамичность, неопределенность, непредсказуемость многих открытий, делают процесс управления им весьма сложной задачей. Поэтому необходимо проведение масштабных фундаментальных и прикладных исследований в экономике НТП. Ускорение НТП возможно лишь в результате планомерного ведения хозяйства.

Из факторов, определяющих ускорение НТП, выделяются два: адаптивность производства и приоритетность развития его отдельных направлений.

Адаптивное производство — такая форма организации экономики, при которой имеется определенный потенциал для относительно недорогого, гибкого и быстрого осуществления в нем контролируемых изменений, вызванных непредвиденными условиями развития и необходимых для максимального роста социально-экономической эффективности производства, а также предотвращения отрицательных явлений и процессов в жизни общества.

В условиях адаптивного производства суть экономической политики состоит в том, чтобы наметить те области производства (высокоэффективные приоритетные направления), где следует провести революционные изменения по техническим, экономическим и социальным показателям, затем внести коррективы в систему управления народным хозяйством для ориентации всей системы на реализацию указанных изменений, и, наконец, воспользовавшись эффектом от такой реализации, вывести все народное хозяйство на качественно новый уровень эффективности за счет комплексного развития вместе с осуществлением приоритетных направлений.

Для ускорения НТП необходимо разработать научно обоснованную систему управления им, которая должна включать показатели социально-экономической эффективности НТП — наиболее важные оценочные характеристики его достижений, с помощью которых и следует осуществлять вариантный подход рассмотрения уровня НТП. Использование показателей социально-экономической эффективности НТП поможет решить задачи формирования наиболее эффективных путей научно-технического развития; планирования социально-экономического эффекта от внедрения НТП; стимулирования коллективов и трудящихся при внедрении НТП, его ускорении и повышении эффективности.

Надо иметь в виду, что использование показателей социально-экономической эффективности НТП для формирования путей научно-

технического развития имеет свои особенности на каждом уровне (стадии) планирования.

Нельзя понимать развитие НТП как простое внедрение отдельных достижений науки и техники, направленных на получение различных эффектов в народном хозяйстве. Главное направление НТП должно определяться в комплексном решении на основе последних, перспективных достижений науки и техники тех задач, которые вытекают из потребностей дальнейшего развития экономики и общества и анализа сдерживающих факторов. При этом требуется не выполнение отдельных технических решений, не внедрение отдельных изобретений и открытий, рационализирующих какие-то частные аспекты, а целенаправленное систематическое осуществление комплекса прогрессивных мер, охватывающих несколько отраслей или регион, в результате которых достигаются определенные уровни развития при снижении удельных расходов дефицитных ресурсов.

В аридной зоне Советского Союза — Средней Азии — такими дефицитными ресурсами являются, в первую очередь, водные ресурсы. Близкое по времени полное исчерпание собственных водных ресурсов рек Амударьи и Сырдарьи, ухудшающееся качество речных вод в районах их использования, усиление негативного воздействия крупномасштабных технических мероприятий на окружающую среду и социально-экономические процессы придают особое значение проблеме рационализации использования водно-земельных ресурсов и их воспроизводства. Это усугубляется тем, что режим водных источников и работа водохозяйственных систем (ВХС) бассейна Аральского моря остаются все еще слабо управляемыми, а зачастую и неконтролируемыми. Поэтому назрела потребность управления водно-земельными ресурсами по научно обоснованной системе с использованием достижений НТП.

Успешное решение проблемы рационального комплексного использования и охраны водно-земельных ресурсов невозможно без развития водных систем и создания крупных водохозяйственных систем (КрВХС). Для планирования и управления КрВХС бассейна Аральского моря нужен всесторонний анализ развития ВХС бассейнов Амударьи и Сырдарьи; при этом следует установить роль и место НТП в развитии ВХС. Для этого необходимо раскрытие основных закономерностей развития водного хозяйства региона, оценки и прогнозирования его влияния на окружающую среду и социально-экономические процессы. При этом в условиях интенсификации использования водно-земельных ресурсов важными элементами являются, во-первых, определение основных природных и хозяйственных факторов, влияющих на совершенствование природно-эксплуатирующих систем, во-вторых, — определение комплекса мероприятий, которые позволят достичь намеченный уровень развития в области природопользования и, в-третьих, — определение изменений в природной, хозяйственной и социальной среде при достижении намеченных показателей.

Чтобы проанализировать функционирование и развитие ВХС бассейнов Амударьи и Сырдарьи, надо прежде всего рассмотреть их современные и перспективные водно-солевые и водохозяйственные балансы (ВХБ). Приходные статьи водного баланса бассейнов Амударьи и Сырдарьи складываются из постоянно возобновляющихся ресурсов поверхностных вод (стока рек и временных водотоков), притока подземных вод и инфильтрации осадков в равнинной части бассейнов. По последним оценкам, суммарные ресурсы поверхностных вод в бассейне Сырдарьи в средний по водности год составляют 37,4 км³/год, а в бассейне Амударьи (в створе г. Керки) — 62,9 км³/год. В бассейне Амударьи, кроме того, формируется сток рек Зеравшана (5,27 км³/год), Кашкадарьи (1,34 км³/год), Мургаба (1,54 км³/год), Теджена

(0,98 км³/год), ряда рек Афганистана (Кундуз, Кокча, Хульм, Балх, Кайсар, Сарыпуль и др.) — 7,10 км³/год и хребта Копет-Дага — 0,27 км³/год. Общие ресурсы речного стока в бассейне «Большой» Амударьи — 79,4 км³/год.

Подземный приток из зоны формирования стока в бассейне Сырдарьи составляет 2,2 км³/год, а в бассейне Амударьи — 0,44 км³/год.

Ресурсы подземных вод, которые могут быть использованы без ущерба для речного стока, составляют в бассейне Амударьи 2,6 км³/год, а в бассейне Сырдарьи — 5,6 км³/год.

Таким образом, суммарные естественные водные ресурсы в рассматриваемых бассейнах вместе с бессточными реками в средний по водности год могут быть оценены в размере 127,6 км³/год, а без учета рек Афганистана и Туркмении — 117,6 км³/год.

Таблица 1

Обобщенный водно-солевой баланс бассейнов Амударьи и Сырдарьи за 1930/81—1986/87 гг.

Год	Приток поверхностных и подземных вод, км ³ /год	Суммарные затраты речных и подземных вод, км ³ /год	Отток в замыкающем створе, км ³ /год	Суммарное поступление солей, млн. т/год	Суммарный вынос солей, млн. т/год*	Баланс солей (+аккумуляция, -вынос), млн. т/год**
Бассейн Амударьи ***						
1980/81	62,1	53,5	8,60	18,6	8,6	+10,0
1981/82	55,8	49,6	6,28	16,7	6,3	+10,4
1982/83	47,8	47,3	0,54	14,3	0,6	+13,7
1983/84	58,4	56,1	2,31	17,5	2,5	+15,0
1984/85	62,1	54,1	7,97	18,6	8,0	+10,6
1985/86	63,0	60,5	2,50	18,9	3,0	+15,9
1986/87	42,3	41,8	0,50	12,7	0,6	+12,1
Бассейн Сырдарьи						
1980/81	37,6	35,5	2,12	11,6	3,52	+ 8,1
1981/82	40,8	38,0	2,81	12,9	4,44	+ 8,5
1982/83	28,2	27,1	1,13	10,7	1,97	+ 8,7
1983/84	36,2	35,3	0,34	10,1	1,62	+ 8,5
1984/85	36,2	35,6	0,60	11,1	1,11	+10,0
1985/86	38,8	38,1	0,70	11,2	1,31	+ 9,9
1986/87	30,4	29,9	0,50	10,4	1,10	+ 9,3

* Суммарный вынос солей отнесен к замыкающим створам (Амударьи—Кзыл-Джар, Сырдарьи — Казалинск).

** Аккумуляция солей относится к контуру бассейнов Амударьи и Сырдарьи и сосредоточена в основном в водоприемниках бессточных понижений.

*** Приток поверхностных вод по бассейну Амударьи принят по створу Керки.

Регулирование стока рек бассейнов Амударьи и Сырдарьи осуществляется водохранилищами с полезной емкостью около 55 км³. При этом основным регулятором стока Сырдарьи служит Токтогульское водохранилище многолетнего регулирования (коэффициент использования стока $\alpha=0,94$), а в бассейне Амударьи эти функции будет выполнять строящееся Рогунское водохранилище ($\alpha=0,93$). Наличие водохранилищ позволит повысить сток рек в маловодный год 90-процентной обеспеченности с 84 до 99 км³/год (Амударья — с 57,4 до 66 км³/год, Сырдарья — с 26,8 до 33 км³/год). В результате гарантированные суммарные ресурсы воды, включая ресурсы подземных вод в размере 8,2 км³/год, в год 90% обеспеченности составляют 110 км³/год¹.

Суммарный водозабор на нужды народного хозяйства в бассейне Амударьи в 1985 г. составил 66,0 км³/год, в том числе из русла Аму-

¹ С учетом подземного притока из зоны формирования стока.

дарьи ниже Керки — 61,5 км³/год (в бассейне «Большой» Амударьи — 77,7 км³/год), из которых 0,76 км³/год приходится на подземные воды, а в бассейне Сырдарьи — 54,4 км³/год (из русла основных рек и их главных притоков — 45,5 км³/год), из них 3,9 км³/год — подземных вод. Следовательно, общий водозабор в современных условиях составляет в бассейне Аральского моря 120 км³/год, а с учетом «Большой» Амударьи — 132 км³/год.

Из общего водозабора на нужды орошаемого земледелия в бассейне Амударьи приходится 64 км³/год, а в бассейне Сырдарьи — 44 км³/год из основного ствола этих рек и главных притоков. Площадь орошаемых земель в 1985 г. составляла в бассейне Амударьи 3,63 млн. га, в том числе по УзССР — 2,12, ТуркмССР — 1,05, ТаджССР — 0,44 и КиргССР — 0,02 млн. га, а в бассейне Сырдарьи — 3,14 млн. га, в том числе по УзССР — 1,82, КазССР — 0,71, ТаджССР — 0,23 и КиргССР — 0,39 млн. га.

Таблица 2

Таблица 3

Современный водохозяйственный баланс Амударьи, км³/год

Современный водохозяйственный баланс Сырдарьи, км³/год

Статья баланса	1980 г.	1985 г.
Приход		
Речной сток (Керки)	61,7	62,6
Подземный приток	0,44	0,44
Коллекторно-дренажные и сточные воды, поступающие в речную сеть	10,7	11,0
Сработка водохранилищ	0	0
Итого:	72,84	74,04
Расход		
Водозабор из русла реки	54,1	61,5
Потери в водохранилищах и русле на испарение	5,0	5,0
Природоохранный попуск	3,2	3,2
Отбор в Афганистане	1,5	1,5
Сброс в бессточные понижения	3,1	3,1
Ущерб речному стоку	0,4	0,4
Итого:	67,3	74,7
Сток в замыкающем створе—Кзылджар	8,60	2,50

Статья баланса	1980 г.	1985 г.
Приход		
Речной сток	34,6	35,8
Неучтенный поверхностный сток	0,75	0,75
Подземный приток	2,18	2,18
Коллекторно-дренажные и сточные воды, поступающие в речную сеть	15,3	15,3
Сработка водохранилищ	0	0
Итого:	52,83	54,03
Расход		
Водозабор из русла основной реки и ее главных притоков	43,0	45,5
Потери в водохранилищах и русле реки	3,0	3,0
Природоохранный попуск	1,6	1,7
Сброс в бессточные понижения	1,5	1,5
Ущерб речному стоку	1,6	1,6
Итого:	50,7	53,3
Сток в замыкающем створе—г. Казалинск	2,10	0,70

В табл. 1 приведены обобщенные водно-солевые балансы бассейнов Амударьи и Сырдарьи за последние 7 лет. Как видим, суммарные затраты поверхностных и подземных вод ныне сопоставимы с их притоком из зоны формирования. В результате за рассматриваемый период резко уменьшается сток в нижнем течении рек: с 6—8 км³/год до 0,5—2 км³/год в бассейне Амударьи и с 2—3 до 0,5 км³/год — в бассейне Сырдарьи. Соответственно суммарный сток Амударьи (ств. Кзылджар) и Сырдарьи (ств. Казалинск) в их низовьях снижается в этот период с 8—11 до 1—2 км³/год. Учитывая потери воды в дельтах этих рек, можно считать, что практически приток к морю в последние годы либо отсутствует, либо весьма мал. Для сравнения укажем, что до

60-х годов суммарный сток Амударьи и Сырдарьи в их нижнем течении достигал 50—60 км³/год.

Суммарное поступление солей с поверхностными и подземными водами за рассматриваемый период составляло 13—19 млн. т в бассейне Амударьи и 10—13 млн. т — в бассейне Сырдарьи. Вынос солей в бассейне Амударьи при этом составлял 0,6—9 млн. т, а в бассейне р. Сырдарьи — 1,4 млн. т. При этом, если в верхнем и среднем их течении в основном преобладает вынос, то в нижнем их течении, наоборот, — аккумуляция солей. Приход и аккумуляция значительного количества солей в нижнее течение создали на фоне резкого снижения стока рек крайне неблагоприятные условия для сельскохозяйственного производства и жизни людей. В последние годы увеличилась минерализация речной воды, которая в низовьях Амударьи (ств. Тахияташского гидроузла) составляет 1,5—2 г/л, а в низовьях Сырдарьи (г. Кзыл-Орда) — 2,0—2,5 г/л, причем в отдельные месяцы она превышает 3 г/л.

Все это привело к изменениям в динамике агроэкосистемы и Аральского моря.

Водохозяйственные балансы бассейнов Амударьи и Сырдарьи за 1980 и 1985 гг. (табл. 2,3) показывают, что в современных условиях водные ресурсы обоих бассейнов полностью используются и сток в замыкающих створах снижается с 8,6 до 2,5 км³/год по Амударье и с 2,1 до 0,7 км³/год по Сырдарье. Водные ресурсы бассейна Сырдарьи полностью исчерпаны при площади орошения 3,14 млн. га и существующей технологии использования водно-земельных ресурсов в народном хозяйстве. В бассейне Амударьи еще имеются некоторые свободные водные ресурсы, но и здесь баланс в отдельные маловодные годы при существующей технологии ведения водного и сельского хозяйства сводится с напряжением уже при площади 3,7 млн. га.

Учитывая ухудшение качественного состояния водно-земельных ресурсов в результате несвоевременного и несбалансированного проведения комплекса природоохранных и ресурсосберегающих мероприятий, а также обострение социально-экологической обстановки в регионе (особенно в Приаралье), дальнейшее развитие здесь водного хозяйства требует интенсификации использования водно-земельных ресурсов, их охраны и воспроизводства.

Для выявления влияния комплекса мероприятий на интенсификацию использования водных ресурсов Среднеазиатского региона и, как следствия этого, изменения динамики водохозяйственных балансов были рассмотрены четыре варианта развития, размещения и специализации орошаемого земледелия в бассейне Амударьи, отличающихся степенью использования достижений НТП в области сельского хозяйства, водного хозяйства и мелиорации.

В бассейне Сырдарьи, в связи с уже практически полным исчерпанием собственных водных ресурсов, рассматривался лишь один вариант, предусматривающий незначительный рост орошаемых площадей за счет ресурсов воды, высвободившихся в результате комплексной реконструкции староорошаемых земель.

Первый вариант по бассейну Амударьи предусматривает рост орошаемых площадей с 3,7 млн. га в 1985 г. до 6,7 млн. га на III расчетном уровне развития и проведение к этому сроку комплексной реконструкции устаревших оросительных систем на площади 2,0 млн. га. Характерная особенность этого варианта — ускоренный темп ввода орошаемых земель и несколько замедленный темп переустройства.

Второй вариант предусматривает замедленные темпы ввода новых орошаемых земель и ускоренные темпы реконструкции старых систем. При этом площадь орошения к IV уровню развития составит 4,93 млн.

Водохозяйственный баланс рек бассейна Аральского моря с учетом

Уровень развития	Водные ресурсы, км³/год		Зарегулированный сток, км³/год	Возвратные воды и водоотведение, км³/год	Площадь орошения, млн. га	Обязательные затраты, км³/год
	средн.	90%				
Амударья,						
I	79,8*	57,8*	66,4*	29,0	4,02	8,9**
II	79,8	57,8	66,4	30,6	4,23	9,3
III	79,8	57,8	66,4	27,5	4,70	9,7
IV	79,8	57,8	66,4	29,9	4,93	9,7
Амударья,						
I	79,8	57,8	66,4	30,4	4,0	8,9
II	79,8	57,8	66,4	30,8	4,3	9,3
III	79,8	57,8	66,4	30,3	4,7	9,7
IV	79,8	57,8	66,4	32,6	5,0	9,7
Амударья,						
I	79,8	57,8	66,4	27,8	4,07	8,9
II	79,8	57,8	66,4	27,2	4,07	9,3
III	79,8	57,8	66,4	24,3	4,07	9,7
IV	79,8	57,8	66,4	22,4	4,07	9,7
Сыр-						
I	9,0*	29,0*	35,2*	17,5	3,3	4,0**
II	9,0	29,0	35,2	17,9	3,4	4,0
III	9,0	29,0	35,2	18,3	3,5	4,0
IV	9,0	29,0	35,2	18,7	3,6	4,0
Бассейн Аральского моря						
I	119,4*	86,8*	101,6*	46,5	7,32	12,9**
II	119,4	86,8	101,6	48,6	7,63	13,3
III	119,4	86,8	101,6	45,8	8,20	13,7
IV	119,4	86,8	101,6	48,6	8,53	13,7
III						
I	119,4	86,8	101,6	47,9	7,3	12,9
II	119,4	86,8	101,6	48,7	7,7	13,3
III	119,4	86,8	101,6	48,6	8,2	13,7
IV	119,4	86,8	101,6	51,3	8,6	13,7
IV						
I	119,4	86,8	101,6	45,3	7,37	12,9
II	119,4	86,8	101,6	45,1	7,47	13,3
III	119,4	86,8	101,6	42,6	7,57	13,7
IV	119,4	86,8	110,6	41,1	7,67	13,7

* С учетом подземного притока из зоны формирования стока (Амударья —

** Обязательные затраты включают потери в водохранилищах и руслах на

*** Полное водопотребление включает водозабор на орошение, промышленно-пастбищ.

дополнительных мероприятий по увеличению располагаемых водных ресурсов

Водопотребление brutto, км ³ /год		Сброс высокоми-нерализованных возвратных вод, км ³ /год	Баланс (+избыток, -дефицит), км ³ /год	Использование подземных вод, не связанных с поверхностными, км ³ /год	Баланс (+избыток, -дефицит), км ³ /год
всего	в т. ч. орошение				
II вариант					
76,3***	61,1	7,8	+2,4	2,6	+3,0
80,5	63,5	9,9	-2,7	2,6	-0,1
82,4	64,4	8,0	-6,2	2,6	-3,6
87,0	60,0	9,2	9,6	2,6	-7,0
III вариант					
73,5	58,3	8,4	+6,0	2,6	+3,9
76,7	59,7	9,9	+1,3	2,6	+3,9
81,3	63,3	9,4	-3,7	2,6	-1,1
85,0	67,0	10,5	-6,2	2,6	-3,6
IV вариант					
75,6	60,4	7,4	+2,3	2,6	+4,9
75,4	58,4	8,2	+0,7	2,6	+3,3
72,7	54,7	6,4	+1,9	2,6	+4,5
70,7	52,7	5,5	+2,9	2,6	+5,5
дарья					
47,3***	38,3	4,6	-3,2	5,6	+2,4
48,4	39,4	5,0	-4,3	5,6	+1,3
49,6	40,6	5,4	-5,5	5,6	+0,1
50,8	41,8	5,8	-6,7	5,6	-1,1
II вариант (Амударья+Сырдарья)					
123,6***	99,4	12,4	- 0,8	8,2	+7,4
128,9	102,9	14,9	- 7,0	8,2	+1,2
132,0	105,0	13,4	-11,7	8,2	-3,5
137,8	110,8	15,0	-16,3	8,2	-8,1
вариант					
120,8	96,6	13,0	+ 2,8	8,2	+11,0
125,1	99,1	14,9	- 3,0	8,2	+ 5,2
130,9	103,9	14,8	- 9,2	8,2	- 1,0
135,8	108,8	16,3	-12,9	8,2	- 4,7
вариант					
122,9	98,7	12,0	- 0,9	8,2	+7,3
123,8	97,8	13,2	- 3,6	8,2	+4,6
122,3	95,3	11,8	- 3,6	8,2	+4,6
121,5	94,5	11,3	- 3,8	8,2	+4,4

0,4 км³/год, Сырдарья — 2,2 км³/год).

испарение, санитарный попуск, дополнительный отбор в Афганистан.

коммунальное водоснабжение, сельхозводоснабжение, рыбное хозяйство и обводнение

га, а площадь реконструкции — 2,2 млн. га к III расчетному уровню. Вновь вводимые орошаемые площади обеспечиваются водой, высвободившейся вследствие реконструкции оросительных систем, за счет увеличения использования ресурсов подземных вод, не связанных с поверхностными, до 2,6 км³/год и многолетнего регулирования стока Рогунским водохранилищем.

Третий вариант аналогичен второму, но предусматривает усиление комплекса природоохранных и ресурсосберегающих мероприятий.

И, наконец, четвертый вариант исходит из полной реконструкции устаревших оросительных систем на площади 2,2 млн. га к III уровню развития, ввода Рогунского водохранилища, использования подземных вод, не связанных с поверхностными, проведения природоохранных и ресурсосберегающих мероприятий при стабилизации орошаемых земель на уровне, близком к современному (1990 г.), в размере 4,1 млн. га.

В табл. 4 приведены перспективные водохозяйственные балансы по всем расчетам для бассейна Амударьи (за исключением I варианта)², а также один вариант для бассейна Сырдарьи. Кроме того, там приведены суммарные ВХБ по обоим бассейнам вместе. Как видно из табл. 4, основным потребителем воды в бассейнах рек в перспективе остается орошаемое земледелие. Кроме того, учитываются требования в первую очередь питьевого водоснабжения, коммунального и промышленного комплекса, сельхозводоснабжения и прудового рыбного хозяйства. Часть стока будет сбрасываться в море как санитарный расход, часть — разбираться за рубежом, а часть — теряться и испаряться в руслах рек и водохранилищах. Последние учитываются в виде обязательных затрат воды. В приходную статью баланса включены также объемы возвратных вод от орошения и водопотребления другими отраслями народного хозяйства. При этом в структуре возвратных вод различаются такие составляющие, как внутриконтурное использование возвратных вод, сброс части их в реки и высокоминерализованные возвратные воды, отводимые за пределы системы, минуя русла рек. При определении высокоминерализованных вод во внимание принималась степень их минерализации (к высокоминерализованным отнесены возвратные воды с минерализацией 4—6 г/л и выше). В качестве дополнительного источника привлекаются ресурсы подземных вод, не связанных с поверхностными.

Результаты баланса свидетельствуют о том, что в случае реализации первого варианта при объеме водопотребления на орошение 67,7—86,7 км³/год (в зависимости от уровня развития) потребуется привлечение дополнительных ресурсов воды извне.

В случае реализации II и III вариантов ВХБ сводится до II уровня развития бездефицитно только в случае привлечения дополнительных подземных вод, не связанных с поверхностными, в объеме около 8 км³/год, из которых 2,6 км³/год приходится на бассейн Амударьи и 5,6 км³/год — на бассейн Сырдарьи. Суммарный остаточный сток, поступающий в замыкающие створы, — от 16 до 24 км³/год. Из этого количества от 13 до 15 км³/год (60—65%) составляют высокоминерализованные возвратные воды. Поэтому необходимо, в целях поддержания уровня Аральского моря, организовать с помощью коллекторов отвод этих вод в море. В случае экономической целесообразности и технической возможности эти воды могут быть опреснены. Надо иметь в виду, что к вопросу использования ресурсов подземных вод следует относиться весьма осторожно, учитывая, что они должны быть использованы в первую очередь для питьевого водоснабжения населения.

После II уровня развития (на III и IV уровнях) по II и III вариан-

² Поскольку он требует привлечения стока извне.

там ВХБ становится напряженным и возникают дефициты воды от 5 до 8 км³/год. Следовательно, в случае реализации II и III вариантов расчетов необходимы более углубленное проведение водосберегающих мероприятий и интенсификация сельхозпроизводства либо стабилизация ввода новых орошаемых земель на I уровне 1990—1995 гг.

Исходя из этого, представляют интерес результаты ВХБ IV варианта. При его реализации на всех уровнях планирования ВХБ положителен, при условии использования подземных вод в объеме 8,2 км³/год суммарно в обоих бассейнах. При этом динамика суммарного остаточного стока колеблется от 20 до 16 км³/год, из которых 60—70% составляют высокоминерализованные коллекторно-дренажные воды.

Хотя во всех вариантах расчетов учитываются высокие темпы и объемы реконструкции старых оросительных систем с доведением к IV уровню развития кпд. систем от 0,55 до 0,78, в бассейнах рек наблюдаются возвратные воды и водоотведение. Количество их колеблется в пределах 41—51 км³/год (суммарно по двум бассейнам), составляя соответственно 34—38% общего водозабора. Следует отметить, что даже в IV варианте, где ввод новых орошаемых площадей в основном стабилизируется на уровне 1990 г. (примерно по 300 тыс. га в каждом бассейне), общий водозабор для водообеспеченности отраслей народного хозяйства, населения и природных комплексов, включая Аральское море, достигает 122 км³/год, что превышает не только гарантированный объем речного стока (102 км³/год), но и среднеголетние водные ресурсы бассейнов Амударьи и Сырдарьи вместе — 119 км³/год.

Вариантный анализ показал, что для бассейнов Амударьи и Сырдарьи представляется широкий диапазон вариантов использования их водно-земельных ресурсов в зависимости от роли НТП на различных уровнях планирования. Диапазон изменения орошаемых площадей на перспективу может колебаться в пределах 7,3—8,8 млн. га (III вариант) и 7,4—7,7 млн. га (IV вариант).

В случае реализации II и III вариантов суммарное поступление воды в дельту по руслам рек и коллекторам сначала будет расти и на I уровне достигнет величин 24—20 км³/год, а затем — снижаться в результате развития орошения до величин 20—13 км³/год. В случае реализации IV варианта тенденция будет аналогичной.

Приведенные расчеты по восполнению водных ресурсов Аральского моря, исходя из условия поступления в него в среднем около 21 км³/год, показывают, что уровень моря (по данным Д. Я. Ратковича) будет снижаться. При этом акватория его распадется на две части: так наз. «Большое» море, питаемое водами Амударьи, и «Малое» море. Устье Сырдарьи расположено таким образом, что нетрудно придать стоку этой реки любое из двух возможных направлений — в «Большое» море или в «Малое». Поскольку площадь поверхности «Малого» моря примерно в 10 раз меньше, возможное влияние подаваемой в него воды на положение уровня окажется гораздо большим. Так, при намечаемых масштабах мероприятий по высвобождению водных ресурсов в бассейне Сырдарьи возможное снижение уровня в «Малом» море будет небольшим и прекратится примерно через 5 лет, после чего начнется его повышение, а после выхода на современные отметки уровня начнется перелив избытков воды в «Большое» море, уровень же «Малого» стабилизируется. Благодаря проточному режиму оно может быть достаточно быстро опреснено.

Что касается «Большого» моря, то здесь максимальное снижение уровня может достигнуть отметки 33 м абс. Соленость вод здесь будет большой (до 50 г/л) и управлять ею не представляется возможным.

Проведенный вариантный анализ влияния НТП на использование водно-земельных ресурсов рек бассейна Аральского моря обуславливает необходимость дальнейшего углубления исследований в части:

1) определения допустимой антропогенной нагрузки на агроэкосистемы бассейнов Амударьи и Сырдарьи при различных уровнях НТП в области использования водно-земельных ресурсов;

2) оценки состояния агроэкосистемы при развитии по расчетным сериям вариантов.

Не исключено, что при решении указанных задач могут появиться новые, которые также должны быть подвергнуты экономико-математическому анализу. Эти и ряд других вопросов, связанных с интенсификацией использования водно-земельных ресурсов рек бассейна Аральского моря с учетом достижений НТП, должны стать предметом дальнейших глубоких, комплексных исследований.

Актуальные проблемы истории советского общества

Р. Х. КАРИМОВ

НЭП В УЗБЕКИСТАНЕ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СПЕЦИФИКА¹

Новая экономическая политика, опыт проведения ее в Узбекистане, других районах страны, изучение ее богатого творческого потенциала приобретают важное научно-познавательное, методологическое и практическое значение. Уже через год после начала перехода к нэпу В. И. Ленин с глубокой убежденностью указывал, что он экономически и политически «вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики»². XXVII съездом КПСС, новейшими документами партии дана реальная оценка роли нэпа в решении задач строительства нового общества, глубоко раскрывается преемственность его коренных принципов в условиях совершенствования социализма на базе перестройки и ускорения социально-экономического развития страны. В докладе, посвященном 70-летию Великого Октября, М. С. Горбачев говорил: «Мы все чаще обращаемся сейчас к последним работам Ильича, к ленинским идеям новой экономической политики, стремимся взять из этого опыта все ценное, необходимое на сегодня»³. Эта мысль с новой силой прозвучала в выступлении М. С. Горбачева на IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 г.

Проблемам новой экономической политики в советской историографии посвящена большая литература. В 60—80-е годы изучались вопросы осуществления нэпа в Средней Азии. Со специальными монографиями выступили В. П. Шерстобитов, Р. П. Клевакина⁴. М. Я. Перпер отмечал, что нэп был политикой «по созданию социалистических форм хозяйства»⁵ и в таких районах, как Туркестан. Основной смысл нэпа, указывает Р. Х. Аминова, заключался «в приспособлении хозяйственной политики государства к многоукладной экономике переходного периода»⁶. М. Пулатова подчеркнула важное значение перехода к нэпу «в восстановлении и развитии экономики» края⁷. В. Я. Непомнин, характеризуя роль нэпа как важного этапа на пути к строительству социализма в Средней Азии, вместе с тем отмечал, что нэп способствовал здесь «активизации феодально-байских элементов», что тут

¹ Печатается в порядке обсуждения.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 60—61.

³ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 11.

⁴ Шерстобитов В. П. Новая экономическая политика в Киргизии (1921—1925 гг.). Фрунзе, 1964; Клевакина Р. П. Новая экономическая политика в Туркменистане. Ашхабад, 1984.

⁵ Перпер М. Я. Новая экономическая политика в Туркестане (1921—1924 гг.): Автореф. канд. дис. Ташкент, 1964. С. 4.

⁶ Аминова Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу. Ташкент, 1965. С. 45.

⁷ Пулатова М. Переход Туркестанской АОСР к новой экономической политике (1921—1922): Автореф. канд. дис. Ташкент, 1968. С. 15.

«выросла прослойка частных торговцев в городе»⁸. Издана также работа А. И. Хона по важному аспекту проблемы⁹.

Проблема нэпа в Узбекистане освещена в плане сочетания его принципов с движением в сторону социализма, минуя капитализм, выявления своеобразия нэпа в регионе. В литературе показано отношение к нэпу различных социальных слоев Узбекистана, местных партийных, советских, хозяйственных органов, раскрыта сущность новой экономической политики — укрепление союза рабочего класса с трудящимися массами дехканства.

Вместе с тем действие принципов нэпа в Узбекистане прослеживается в основном до 1923—1924 гг.; содержание и механизм экономических методов руководства процессом материального производства ясно не определены; не выявлены четко в конкретных условиях Узбекистана 20-х годов приоритеты нэпа, на которых концентрировалась деятельность партии и Советского государства. Сложившийся в литературе стереотип изложения проблемы нэпа предполагал, что нэп породил усиление капиталистических элементов и эксплуатации трудящихся масс; что не только концессии, но также частнокапиталистические методы были «мертворожденными»; что мелкобуржуазная стихия и обострение классовой борьбы predetermined неизбежность ведения борьбы с остатками эксплуататорских элементов и даже их уничтожения. Не изучался вопрос о формировании хозяйственного механизма в соответствии с логикой нэпа, о действии этого механизма.

В последнее время разворачивается полемика по нэпу. Углубленное изучение и обсуждение истории нэпа в Узбекистане, его актуальных аспектов также принципиально важны. В этой связи мы попытаемся здесь осветить узловые моменты претворения нэпа в Узбекистане, изложить наше видение основного звена в цепи задач в местных условиях, экономических методов руководства консолидацией производительных сил и некоторых других аспектов проблемы¹⁰.

Итак, радикальный поворот в экономической политике Советского государства, осуществленный под руководством В. И. Ленина на X съезде РКП(б), положил начало проведению в жизнь системы мер, которая стала называться новой экономической политикой. Нэп разрабатывался В. И. Лениным, Коммунистической партией не только как тактическая, но и как стратегическая линия в созидании нового общества. Еще в 1918 г. В. И. Ленин, указывая на наличие пяти общественно-экономических укладов в народном хозяйстве страны, сделал классический вывод о необходимости уживаться, сосуществовать с мелкобуржуазными слоями, из которых состояло крестьянство страны. Тогда же В. И. Ленин разработал научные основы руководства хозяйством, обосновал принципы демократического централизма в экономике, единоначалия, положения о значении при социализме роста производительности труда, материальной заинтересованности и др.

Ленинская концепция нэпа основывалась на признании необходимости удовлетворения требований и запросов крестьянства как демократической массы, а также улучшения положения рабочего класса и городских средних слоев путем повышения материальной заинтересованности и на основе соблюдения принципа социальной справедливости. Это требовало решительного отказа от военно-бюрократических

⁸ Не помню В. Я. Триумф стратегии и тактики ленинизма на Востоке. Ташкент, 1974. С. 76.

⁹ Хон А. И. Деятельность Коммунистической партии по осуществлению новой экономической политики в Туркестане. Ташкент, 1986.

¹⁰ В узбекских и других областях Советского Туркестана нэп приобрел своеобразные черты. То же следует сказать об опыте БНСР и ХНСР. Поэтому, на наш взгляд, необходимо изучение нэпа по районам региона.

Методов, необоснованных запретов, регламентаций, чрезмерной централизации, предполагало переход к широким мерам раскрепощения всех производительных сил, приведение хозяйственных отношений в соответствие с объективными закономерностями созидания нового общественного строя, его развития и укрепления. Продналог, заменивший продразверстку, хозрасчет, жесткая самокупаемость, развертывание отношений товарного производства и связанные с этими основными принципами меры открывали широкий простор для достижения намеченных целей.

Нэп, его принципы носили диалектически развивающийся, творческий характер и это позволило применить их в условиях движения к социализму, минуя капитализм.

В. И. Ленин, отметив, как уже сказано, наличие в экономике страны пяти «общественно-экономических укладов»¹¹, выявил их внутреннее содержание и дал характеристику классовых сил, стоящих за ними, социальной сущности этих сил. Тем самым раскрывались объективно сложившееся положение в народном хозяйстве страны, а также диалектика взаимодействия антагонистических социально-классовых сил того времени.

Распространение тезиса о пяти укладах на Узбекистан вытекает из указания В. И. Ленина об обширности и «пестроты» России, о том, что в ней переплетаются «все эти различные типы... уклада...»¹² В. И. Ленин никогда не утверждал, что эти пять укладов существуют в стране в совершенном, законченном виде. Он отмечал, что в экономическом строе России уже в 1918 г. «есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма»³, не говоря уже об остальных трех укладах. Весной 1921 г. в работе «О продовольственном налоге» В. И. Ленин писал: «Оспорить то, что налицо имеются все эти пять ступеней (или составных частей) всех этих пяти укладов, от патриархального, то есть полудикого, до социалистического, никому не удастся»¹⁴. Итак, неверно было бы ограничивать наличие этих укладов лишь сферой сельского хозяйства или предполагать, что о всех пяти укладах можно говорить только в отношении центра страны.

Принципы нэпа следует рассматривать в их диалектическом развитии. Его содержание и основные параметры не были чем-то неизменным. Практический опыт, потребности общественного развития, реальной жизни вносили порой весьма существенные изменения в методы и средства проведения нэпа. В. И. Ленин не только отмечал, что партия и в 1921, и в 1922 г. работала «над решением», как он выражался, новой экономической политики, но, в первую очередь, сам дал образцы творческого вклада в это дело. В понимании степени применимости нэпа в Узбекистане данный момент имеет существенное значение.

Известно, что наряду с хозрасчетом, самокупаемостью, введением продовольственного налога предполагалось налаживание натурального товарообмена как основной формы хозяйственной связи между городом и деревней. Однако уже к концу 1921 г. товарообмен вылился в простую куплю-продажу, торговлю. В. И. Ленин констатировал эту реальность и, больше того, на XI съезде партии провозгласил торговлю как основное звено в цепи экономических задач, ухватившись за которое, следовало «вытянуть» всю цепь. В результате последовали налаживание и совершенствование денежного хозяйства, кредита, банковского дела, налоговой системы и т. д. Уже тогда стало ясно, что без этих составных частей хозяйственный механизм социализма немислим.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 296.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 295.

¹⁴ Там же. Т. 43. С. 221.

Кооперации в ряду идей нэпа вначале отводилась роль одной из форм госкапитализма, но в дальнейшем В. И. Ленин завершил разработку марксистской теории кооперации, выявив решающие предпосылки, оказывающие влияние на становление различных форм кооперации как социалистических предприятий. Этими предпосылками были укрепление социалистического уклада, материальная поддержка кооперации Советским государством, развитие демократических основ, принципа материальной заинтересованности в деятельности кооперации. Начало 1923 г. стало историческим рубежом в социалистическом переустройстве кооперации и в целом по стране, и в Узбекистане.

Во второй половине 1921—1922 г. В. И. Ленин дополнил вопрос об укладах положениями о том, что: а) капитализм в случае его чрезмерного роста можно и необходимо направить в русло госкапитализма и б) в связи с расширением интерпретации госкапитализма использование этого уклада следует рассматривать как политику Советского государства, средство воздействия на общественные отношения. Именно в этом контексте надо, как нам представляется, рассматривать письмо В. И. Ленина самаркандским коммунистам от 27 июня 1921 г. «Капитализм,— писал Ленин,— нам не страшен, поскольку пролетариат... сумеет своим контролем направить его в русло государственного капитализма»¹⁵. При этом политика в отношении байского хозяйства, особенно когда усиливались его эксплуататорские устремления, проявлялась как государственно-капиталистическая.

Трансформация капитализма при диктатуре пролетариата в государственный капитализм, практика партнерства с капиталистическими элементами, соревнование с ними на поприще хозяйства в тот исторический период вполне были в духе социальных позиций Советской власти. Несомненно, что это означало также изменение форм классовой борьбы. Вместе с тем верно и то, что определение места несоциалистических элементов в экономике переходного периода не означало обострения борьбы с ними и фатальной их ликвидации. И если с переходом к нэпу классовая борьба обострилась, то это происходило по инициативе тех буржуазных и феодальных элементов, которые хозяйственную деятельность, ее расширение пытались перенести в область политики и классовых отношений.

Коммунистическая партия, обосновывая ныне концепцию перестройки, ее этапов, радикальной экономической реформы, исходит, как уже указывалось, и из ленинских идей нэпа, подчеркивая их преемственность. Высвечен ряд положений, которые присущи социализму и взяты на вооружение на пути приумножения его потенциала. Творческое развитие марксистско-ленинского учения находит свое выражение в выдвижении партией положений о социальной ориентированности экономики, о принципе социальной справедливости, о решающей роли хозяйственного механизма при социализме. М. С. Горбачев выдвинул и обосновал тезис о стартовых условиях на этапных рубежах перестройки¹⁶. Эти положения способствуют более четкому определению соизмерительных компонентов и раскрытию позитивной сущности нэпа.

Утверждение экономических отношений, присущих социализму, особенно переходному к нему этапу, стало возможным и объективно необходимым в результате окончания периода иностранной интервенции и гражданской войны. К весне 1921 г. обнаружилось кризисные явления в народном хозяйстве страны, недовольство крестьян проразверсткой. Выход из этого положения указывал нэп, задачи которого органически переплетались с условиями их претворения.

¹⁵ Там же. Т. 53. С. 1.

¹⁶ Горбачев М. С. Выступление 8 января 1988 года на встрече с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов//Правда. 1988. 13 янв.

Нэп выдвинул на первый план продналог в сельском хозяйстве, хозрасчет, самофинансирование как норму деятельности в промышленности, материальную заинтересованность всех хозяйственно-деятельных групп населения в результатах труда и предпринимательства, возрождение товарно-денежных отношений. В сущностном содержании нэп приоритетно предусматривал укрепление союза рабочего класса с крестьянством — основы диктатуры пролетариата, а также консолидацию на основе развития социализма производительных сил страны.

В Советском Туркестане расстройство народного хозяйства усугублялось нарушением его традиционных связей с промышленным центром. Продразверстка с запрещением свободной торговли хлебом, трудности в приобретении изделий промышленности вызывали недовольство части дехканства. Эти моменты, а также государственная монополия на хлопок-сырец¹⁷ использовались главарями басмачества в их антисоветской борьбе.

Своеобразие нэпа в Узбекистане, выражавшееся в целом в обогащении его сущности, вытекало из достигнутого уровня общественных, в первую очередь аграрных, отношений, характера земледелия и традиционного распределения труда. Учет партией и Советским государством этих моментов в применении экономических методов стимулирования хозяйственной жизни и давал в конечном итоге результаты, следовавшие нэпом.

Идея продовольственного налога, ленинские произведения и выступления, посвященные нэпу, вызвали глубокую заинтересованность среди дехканства, всего населения края. Необходимость нэпа и для Узбекистана, правильного проведения его здесь подчеркивалась В. И. Лениным¹⁸, документами партии¹⁹, решениями краевых партийных и советских органов²⁰. Известно, что вопросы применения нэпа в местных условиях были решены в документах VI съезда Компартии Туркестана и X съезда Советов ТАССР. Но еще до этого, сразу после X съезда РКП(б) и издания первых декретов Советского государства о проведении нэпа, в крае была развернута большая работа. 22 апреля 1921 г. ТуркЦИК принял декрет о замене продовольственно-фуражной и сырьевой разверстки натуральным налогом, а с середины июня 1921 г. приостанавливалось проведение разверстки²¹.

Партийные и советские органы ТАССР проводили на местах большую работу по разъяснению и осуществлению нэпа²². Была опубликована серия теоретических статей по проблемам проведения нэпа в Туркестане²³. В развернувшемся массовом движении за осуществление решений партии центральное место занимали рабочий класс, дехканство и трудящиеся кустари-ремесленники.

Денежная реформа, выпуск червонцев, создание и функционирование банков, широкое применение экономических методов в хозяйственной жизни, участие частного капитала в качестве партнера в хозяйственно-предпринимательской деятельности благоприятствовали оздоровлению экономики. Оживлялась деятельность ненационализиро-

¹⁷ Она была отменена с 1 февраля 1923 г. См.: Отчет о деятельности Главного Хлопкового Комитета за время с 1-го июля 1922 г. по 1 июля 1923 г. М., 1924. С. 6.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 104, 105.

¹⁹ Циркулярное письмо ЦК РКП(б) Коммунистической партии Туркестана. 11 января 1922 г. // Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926 гг.): Сб. док. Ташкент, 1962. С. 166—168.

²⁰ Резолюции и постановления съездов Компартии Туркестана (1918—1924 гг.). Ташкент, 1968. С. 133—143; Стенографический отчет X съезда Советов Туркестанской республики. Ташкент, 1921.

²¹ Образование и деятельность Компартии Туркестана (Летопись событий). Ташкент, 1966 С. 245, 250.

²² Хон А. И. Указ. соч. С. 26—28.

²³ См.: ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 1413, л. 3, 4, 7, 8, 10, 20.

ванных заведений, в аренду частному капиталу, кооперативам, артелям сдавались предприятия, торговые заведения, базары.

В ТАССР осенью 1921—1922 г. предприятия сдавались в аренду сроком преимущественно на 2—3 года, на условиях ремонта оборудования, его пуска, а также поставки в счет арендной платы части продукции натурой местным хозяйственным органам²⁴. Типовой договор, составленный в июне 1923 г., содержал условия сдачи в аренду базаров на территории ТАССР²⁵. С конца 1922 г. были зарегистрированы основанные на частном капитале товарищества «Интифак», «Туркестан», «Тыджарат», «Экспорт-импорт», «Уч-баш», «Посредник», «Экспедитор», «Идеал», «Караван»²⁶ и др. Только по Ферганской области в этот период было зарегистрировано 24 торговых товарищества, артели²⁷. Учредители частнокапиталистических компаний зачастую старались присвоить себе широкие функции. Так, товарищество на паях «Туркестан» ставило своей целью: «Покупки и продажа всякого рода сырья, товаров и продуктов питания; товарообменные операции..., организация и аренда производственных предприятий»²⁸. Поэтому заявления о регистрации, уставы товариществ тщательно проверялись, факты учреждения, равно как и самоликвидации товариществ следовало оповещать через прессу.

Создавались и трудовые артели, в которых наемный труд допускался «только в виде исключения»²⁹. Принимались меры к тому, чтобы «под видом трудовых артелей не скрывались чисто капиталистические объединения»³⁰.

Государственный контроль за деятельностью частного капитала, меры по пресечению его эксплуататорских устремлений не означали, однако, что госкапитализм в Узбекистане не привился. Адекватно выполняемой им хозяйственной функции в качестве делового партнера ему предоставлялось соответствующее поле деятельности. Так, в феврале 1924 г. намечалось такие негативные коммерческие явления, как контрабандный вывоз из страны (например, каракуля), предотвращать главным образом экономическими, а не административными методами. Было признано необходимым «уменьшение накладных расходов и поднятие цен на сырой каракуль, чтобы тем самым сделать коммерчески невыгодным вывоз каракуля контрабандой»³¹. В конце 1925—1926 г. «частным лицам арендаторам и владельцам ватных фабрик»³² была отпущена часть продукции хлопкоочистительной промышленности, поскольку частный капитал в поисках сырья пытался закупать хлопок-сырец в обход закона.

I съезд Компартии Узбекистана (февраль 1925 г.) указал на необходимость «полного устранения частнокапиталистических посредников (комиссионеры, вакилы, асакалы и проч.)», поскольку потребность в их услугах отпадала. Съезд предлагал также «установить предельные размеры авансирования для крупных хозяйств»³³. Вместе с тем там же шла речь об организации «смешанных торговых товариществ с участием государственного и торгового капитала» в районах Узбекистана,

²⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-43, оп. 1, д. 68, л. 1—8.

²⁵ Там же, д. 173, л. 3.

²⁶ Там же, д. 11, л. 3, 19, 29; д. 109, л. 1, 2, 8, 21; д. 112, л. 35; д. 113, л. 26, 28; д. 115, л. 11, 20; д. 117, л. 2, 13, 22, 26; д. 120, л. 1—19; д. 121, л. 1—19; д. 125, л. 1—24; д. 126, л. 1—26.

²⁷ Там же, д. 128, л. 1—2.

²⁸ Там же, д. 109, л. 2.

²⁹ Там же, д. 128, л. 40.

³⁰ Там же, л. 21 об.

³¹ Там же, ф. Р-112, оп. 2, д. 6, л. 132 об.

³² Там же, д. 86, л. 2.

³³ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и Пленумов ЦК. Том первый (1925—1937). Ташкент, 1987. С. 37.

слабо втянутых еще в советское строительство³⁴. Указывалось также, что необходимы усиление кредитования «мелкой частной сети» торговли, «организация различных торговцев в закупочные и иные товарищества» в зонах, входивших до нацразмежевания в состав БНСР и ХНСР³⁵.

Государственные промышленные предприятия, хозяйственные учреждения (социалистический уклад), переведенные на хозрасчет и безубыточность, дехканство и ремесленники (мелкотоварный уклад), а также малоземельные, безземельные дехкане, бедняки-кочевники (натуральный уклад) через продналог и прогрессивное налогообложение вовлекались в позитивный процесс хозяйственного оживления и консолидации. Безубыточность предприятий достигалась путем максимальной мобилизации сырья, пригодного оборудования, денежных средств отрасли, их концентрации на наиболее жизнестойких предприятиях, сокращения оказавшихся излишними штатов, в первую очередь управленческого аппарата, налаживания на отдельных участках производства товаров широкого потребления и натурального, на первых порах, обмена, организации подсобных хозяйств, откормочных ферм и т. д. Система государственных трестов (к началу 1922 г. их было в крае 10) должна была обеспечить оперативное использование средств и подъем производства. Однако затянувшаяся реорганизация управления экономикой начала негативно влиять на ее состояние. Тем не менее к середине 20-х годов в Узбекистане сложился в целом оптимальный управленческий аппарат.

Классовый характер, который придавался процессу практического проведения продналога и других мер, был в русле нэпа. Сюда можно отнести земельно-водную реформу 1921—1922 гг., меры по ликвидации былой социально-экономической отсталости национальных районов, намеченные X съездом партии; возвращение вакуфов; оказание государством концентрированной помощи Ферганской области, разоренной басмачами; доставку в возраставшем количестве промышленных изделий и других товаров из центра. После провозглашения нэпа лишь один год хлеб в край не ввозился, а вывозился. Это было связано со страшным неурожаем и голодом, которые, как известно, поразили значительную территорию страны.

Нэп, как и предполагалось, породил значительную мелкобуржуазную стихию. В условиях, когда сохранялся почти не тронутым феодально-байский класс, когда социально-классовая дифференциация между антагонистическими силами еще только развертывалась, мелкобуржуазная стихия, усугубляясь рядом других местных причин, представляла значительную опасность. И если она не переросла в неуправляемый процесс, то в этом решающая роль принадлежит Коммунистической партии и Советскому государству, которые, владея ситуацией, настойчиво сплачивали общество на путях решения выдвигающихся задач. Причем открывался все более широкий простор для углубления экономических отношений и проявления материальной заинтересованности.

Ленинская идея выбора основного звена в цепи экономических задач в Узбекистане, наряду с задачей овладения торговлей, сфокусировалась — и это следует подчеркнуть особо — на хлопководстве и соответствовавшем ему хозяйственном механизме. Хлопководство составляет основу экономических связей Узбекистана со всей страной. Это один из решающих элементов в общесоюзном разделении труда. Богатые навыки дехканства в хлопководстве, наличие базы для первич-

³⁴ Там же. С. 39.

³⁵ Там же.

ной обработки сырья, традиции сбыта продукции отрасли были материально воплощены в характере производительных сил и общественных отношений в Узбекистане. Упадок хлопководства в период гражданской войны, трудности доставки сырья на текстильные предприятия страны, равно как и сложность обеспечения края хлебом, промышленными изделиями, отрицательно отразились на материальном положении трудящихся масс. Состояние ряда отраслей народного хозяйства было непосредственно связано с восстановлением и развитием хлопководства. Таким образом, эта отрасль народного хозяйства края, методы и средства ее восстановления, управления, включая создание соответствующего хозяйственного механизма, превратились в решающее звено в цепи важнейших задач.

Еще в ноябре 1920 г. за подписью В. И. Ленина было принято два декрета СНК РСФСР о восстановлении хлопководства³⁶, которыми предусматривалось «в месячный срок разработать план снабжения необходимыми предметами», а также «систему поощрительных мер для хлопководов»³⁷, порядок и сроки «распределения доставленных РСФСР предметов снабжения между хлопкоробами»³⁸. До этого, в начале 1920 г., в край было направлено два маршрутных поезда (56 товарных вагонов) с тканями и нитками для «распределения среди населения ... в порядке товарообмена», а также в целях «увеличения хлопковой площади»³⁹. В. И. Ленин, партия, Советское государство уделяли постоянное внимание развитию хлопководства.

С переходом к нэпу проблема подъема хлопководства ставится на новую экономическую и организационную основу. Уже в 1921 г. было достигнуто довоенное соотношение цен на хлопок и пшеницу⁴⁰. 12 сентября 1921 г. СТО РСФСР под председательством В. И. Ленина утвердил принципы организации хлопководства, заготовок и промышленной очистки хлопка, вытекавшие из условий нэпа⁴¹. Тогда же был образован Главный Хлопковый Комитет (Главхлопком) при ВСНХ «на началах хозяйственного расчета»⁴². Ему были переданы значительный оборотный капитал, местные заготовительные конторы, хлопкоочистительные заводы. Под его эгидой создавались хлопководческая, мелиоративная, кредитная формы кооперации. Через них Главхлопком все шире заключал с хлопкосеющими хозяйствами договоры контрактации, предоставлял дехканам кредиты под посевы хлопчатника, на льготных условиях обеспечивал их мануфактурой, пшеницей, другими товарами, организовывал заготовку хлопка-сырца. Главхлопком осуществлял свою деятельность в тесном контакте с банками, трестами, другими хозяйственными органами.

Действовавший до 1930 г. Главхлопком стал одним из первых аграрно-промышленных объединений. Он сыграл выдающуюся роль в подъеме экономики хлопкосеющих районов и обеспечении хлопковой независимости СССР. Деятельность Главхлопкома пока не получила должного освещения в нашей литературе. Между тем это — интересное и ценное свидетельство формирования интернационально целостной отрасли экономики, части материального фундамента социализма в нашей стране, важный опыт создания аграрно-промышленного комплекса.

³⁶ См.: В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1982. С. 550—553.

³⁷ Там же. С. 551.

³⁸ Там же. С. 553.

³⁹ Там же. С. 518—520.

⁴⁰ История развития хлопководства в Узбекистане. Ташкент, 1983. С. 21, 28.

⁴¹ Хлопковое дело. 1922. № 1—2. С. 70—79.

⁴² Деятельность Коммунистической партии и Советского государства по восстановлению и развитию хлопководства в Туркестане (1917—1924 гг.): Док. и мат. Ташкент, 1986. С. 154.

Означало ли приоритетное внимание к восстановлению и развитию хлопководства курс на монокультуру хлопчатника? Отнюдь нет. Еще в одном из первых ленинских документов о хлопководстве указывалось: «Вести обязательный севооборот... в хлопковых районах»⁴³. Незыблемость этого правила, преданного забвению в годы застоя, была отмечена VII пленумом (1987) ЦК Компартии Узбекистана⁴⁴. Важность установления «прочного севооборота» отмечалась и в постановлении Средазбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1927 г.⁴⁵

Следует подчеркнуть, что и II, и III съезды Компартии Узбекистана выдвигали задачу интенсивного развития хлопководства⁴⁶. В 1926—1927 гг. при приросте общей посевной площади в УзССР на 29% посевы хлопчатника увеличились на 31,6%⁴⁷. В эти же годы в дехканских хозяйствах, поставивших около 90% хлопка-сырца, хлопковый клин занимал 33,2%⁴⁸. А вместе с тем в 1927 г., например, через кооперацию широко авансировалось выращивание риса, люцерны, пшеницы, продукции садоводства, виноградарства, шелководства⁴⁹. Таким образом, в 20-е годы приоритетное развитие хлопководства способствовало и подъему других отраслей народного хозяйства Узбекистана.

Смерно содействуя развитию хлопководства, Советское государство вместе с тем заботилось об обеспечении всего населения республики хлебом, промышленными товарами. Только из урожая 1923 г. намечалось ввезти в Туркестан 8 млн. пудов пшеницы, а когда небольшая задержка с ввозом стала грозить повышением цен на пшеницу на местном рынке, оперативно были приняты соответствующие меры центральными органами вплоть до СТО СССР⁵⁰. В письме комиссии СТО по торговле хлебом от 15 июля 1924 г. Главхлопком указывал: «Завоз хлеба в Туркестан и продажа его по низким ценам является делом общесоюзного значения, т. к. это определяет цены на хлопок-сырец, который государство в интересах удешевления продукции текстильной промышленности держит на определенном уровне»⁵¹.

Поскольку низкие цены породили «вывоз хлеба из Туркестана... мелкими заготовителями», было издано распоряжение о воспрещении «упомянутого вывоза как по железной дороге, так и через Красноводский порт»⁵².

В край все шире ввозились и промышленные товары, в том числе ткани. Благодаря этому магазины Туркторга торговали «на 10—20% дешевле рынка, что является почти единственным регулятором политики цен на мануфактурном рынке»⁵³. Наряду с упорядочением налоговой системы, снижением единого сельхозналога такая политика в области торговли играла позитивную роль. Вместе с другими мероприятиями она облегчала экономическое положение, особенно слабого дехканства, способствовала ослаблению его зависимости от хищнической деятельности торгово-ростовщического капитала, на что особо обратило внимание Средазбюро ЦК ВКП(б) в 1926 г.⁵⁴

Весь комплекс мероприятий, проводившихся в Узбекистане в 20-е годы в русле новой экономической политики, раскрепощение производи-

⁴³ В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. С. 550.

⁴⁴ Правда Востока. 1987. 18 дек.

⁴⁵ КПСС и Советское правительство об Узбекистане: Сб. док. (1925—1970). Ташкент, 1972. С. 206.

⁴⁶ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... С. 141, 321.

⁴⁷ Там же. С. 33С

⁴⁸ Там же. С. 331

⁴⁹ Там же. С. 335.

⁵⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-112, оп. 2, д. 5, л. 102, 103.

⁵¹ Там же, л. 11.

⁵² Там же, л. 14.

⁵³ Там же, д. 6, л. 45.

⁵⁴ Там же, д. 86, л. 63.

тельных сил, стимулирование материальной заинтересованности трудящихся привели к быстрому восстановлению народного хозяйства. В сельском хозяйстве края, в том числе в хлопководстве, рубежом упадка и застоя стал 1922 год, после чего начинается период интенсивного роста. Этому способствовало развертывавшееся по инициативе трудящихся кооперативное движение, активно, в первую очередь экономически, поддержанное Советским государством. ЦК РКП(б) в письме Компартии края в начале 1922 г. указывал, что должна быть поддержана экономически «кооперация трудящихся во всех ее видах»⁵⁵. Весной 1922 г. в крае насчитывалось 280 артелей и 49 коммун⁵⁶. Сеть колхозов в Узбекистане выросла к концу 1925 г. до 410⁵⁷. Особую роль сыграли кредитная⁵⁸ и мелиоративная⁵⁹ кооперация, а также скотоводческие, садоводческие, рисоводческие, хлебные и другие кооперативные товарищества⁶⁰. Только в результате последующего насаждения приказного стиля кооперативное «многоцветье» в Узбекистане стало блекнуть. Учитывая все сказанное, представляется ошибочным отнесение кооперативов 20-х годов в Узбекистане (кроме колхозов) к «переходным формам»⁶¹.

За сравнительно короткий период (1923—1927 гг.) хлопководство в Узбекистане достигло уровня 1913 г., преодолев за пять лет расстояние, на которое колониальная экономика потратила не одно десятилетие. Довоенный уровень урожайности достигался также по рису, поливной пшенице, люцерне и др. При этом был создан и функционировал прогрессивный в экономическом и социальном смысле хозяйственный механизм, оперативно реагирующий на конъюнктуру.

Восстанавливалось также промышленное производство, развивалась торговля, заметно улучшалось материальное положение дехканских масс, рабочих, кустарей, всего населения. В 1923/24 г. в среднем один хлопкоочистительный завод перерабатывал в 1,7 раза больше сырца, чем в 1913 г.⁶² Только за 1923/24 г. производство рафинированного хлопкового масла в крае увеличилось в 3,5 раза. Если в 1924/25 году продукция цензовой промышленности УзССР определялась в 104 млн. червонных рублей, то уже через два года она увеличилась до 183 млн. червонных рублей⁶³.

Социалистический уклад успешно конкурировал с частным капиталом и увлекал за собой мелкотоварный и натуральный уклады. Частный капитал также местами рос в общем потоке хозяйственного подъема. Вместе с тем попытки чрезмерного обогащения за счет усиления эксплуатации наемных работников, а также обмана государственных органов решительно пресекались. Вызванную этим социально-политическую напряженность в общественной жизни и даже обострение на мелкобуржуазной волне классовой борьбы в период нэпа, на наш взгляд, следует квалифицировать как проявление противоречи-

⁵⁵ Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926 гг.): Сб. док. Ташкент, 1962. С. 167.

⁵⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 2307, л. 5.

⁵⁷ Подготовка условий сплошной коллективизации в Узбекистане (1924—1929 гг.): Сб. док. Ташкент, 1961. С. 319.

⁵⁸ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 4361, л. 141.

⁵⁹ Тактаев А. А. Мелиоративная кооперация в процессе восстановления и развития сельского хозяйства УзССР (1923—1931 гг.)//Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина: Исторические науки. Вып. 212. Кн. 42. Ташкент, 1962. С. 72.

⁶⁰ Аминова Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу. Ташкент, 1965. С. 170, 189 и др.

⁶¹ См.: Гельдиева А. Ч. Сущность переходных форм общественного прогресса в условиях некапиталистического развития народов Средней Азии//Общественные науки в Узбекистане. 1987. № 11. С. 29.

⁶² Отчет о деятельности Главного Хлопкового Комитета за время с 1 июля 1923 года по 1-е октября 1924 года. М., 1925. С. 31.

⁶³ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... С. 351.

Вости диалектически целостного процесса, изначально охватившего частнопредпринимательскую деятельность. Классовая борьба, обострение социальной напряженности, связанные с нэпом, не были неожиданными, и партия, Советская власть вполне осознавали эти моменты и принимали необходимые меры.

Таким образом, сущность новой экономической политики вытекала из реального учета сложившейся ситуации в экономике, производительных силах и направления этих сил по пути систематического раскрытия, материализации их возможностей при соблюдении принципа социальной справедливости (что также требует специального изучения).

Решающими принципами нэпа выступают: задействование экономических методов хозяйствования при неизменной социальной ориентации экономики; союз рабочего класса и крестьянства, вовлечение в процесс сотрудничества этих двух основных классов всех хозяйственно деятельных классов и социальных слоев или их части и элементов; признание возрастающей роли социалистического государства, всей политической системы диктатуры пролетариата, осуществление их политико-воспитательной, хозяйственно-организаторской и социально-творческой функций.

Исторический опыт нэпа в Узбекистане свидетельствует о возможности его проведения в условиях перехода к социализму, минуя капитализм, хотя процесс осуществления нэпа здесь осложнялся не только мелкобуржуазной стихией, слабостью партийно-советских органов, меньшим, чем в центре, числом и качеством закаленных кадров, но и слабой классовой дифференциацией трудящихся от эксплуататоров, мусульманского духовенства, попытками феодально-байского класса вернуть на волне нэповской «стихии» свои утраченные привилегии.

Вместе с тем опыт нэпа в Узбекистане выдвигает два основных момента решающего значения. Речь идет, во-первых, о все возраставшей помощи революционного рабочего класса страны Узбекистану, развитию отношений братской взаимопомощи народов нашей страны с народами Узбекистана, а во-вторых, о том, что процесс экономического возрождения здесь усиливался с ростом политического кругозора, классового самосознания, повышением организованности, активности трудящихся масс, подъемом их культуры.

В связи с усилением интереса к историческому опыту нэпа встают задачи комплексного углубленного подхода к его изучению, особенно в тех аспектах, которые не нашли еще должного отражения в нашей литературе⁶⁴. Несомненный интерес представляет вопрос об укладах в Узбекистане, удельном весе каждого из них, их взаимоотношении и трансформации на протяжении 20-х годов. Камнем преткновения тут является вопрос, к какому укладу следует отнести феодально-байские хозяйства.

«Белыми пятнами» в истории Узбекистана периода нэпа остаются частнопредпринимательские, смешанные государственно-капиталистические предприятия, общества, артели, их деятельность и роль, судьба различных форм кооперации, которые подверглись ликвидации, далеко не исчерпав свой позитивный потенциал. Актуальность глубокого изучения всех аспектов истории кооперативного движения в стране становится еще более очевидной в свете положений, высказанных М. С. Горбачевым на IV Всесоюзном съезде колхозников.

Важным представляется вопрос о соотношении земельно-водных реформ в Узбекистане середины и второй половины 20-х годов с усло-

⁶⁴ Актуальные направления изучения истории нэпа намечены в Плане-прогнозе научных исследований на 1987—2000 годы по проблеме «История строительства социалистического общества». См.: История СССР. 1987. № 6. С. 185.

виями новой экономической политики. Несомненно, что ситуация, при которой в орбиту экономических отношений вовлекались хозяйства, земля, орудия труда, возможность расширения материального производства, не могла не коснуться аграрных отношений. Тем более, что байские хозяйства все шире проявляли антисоциальные качества, становились экономически вялыми, малопродуктивными и все более паразитическими.

На какие рубежи простиралось в Узбекистане действие нэпа, его принципов? Очевидно, определяющим тут является вытеснение экономических методов руководства административно-приказным стилем, свертывание вследствие этого многих инициативных общественных и индивидуальных форм ведения хозяйства и т. д. Обоснованный ответ на этот кардинальный вопрос, как, впрочем, и на другие вопросы данной проблемы, можно дать, как нам представляется, путем глубокого изучения всего комплекса источников, в первую очередь архивного материала.

В целом же очевидно, что новая экономическая политика, демонстрируя преимущества и жизнеспособность ленинских принципов экономического руководства народным хозяйством, во многом обеспечила успех строительства материального фундамента социализма в СССР и потому исторический опыт нэпа имеет большое научно-теоретическое и практически-политическое значение.

С. И. ВОРОБЬЕВА

ПРАВО, МОРАЛЬ, ОБЫЧАИ: ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В сложной и разветвленной системе социальных регуляторов важнейшее место занимают право, мораль и обычаи. Особенно велико значение права. Право — сложнейший по своим проявлениям и богатейший по своим возможностям и содержанию феномен. Изучение его сути, его связей и взаимодействия с другими явлениями, его служебной и воспитательной роли — важнейшая задача правоведения.

Основное назначение права — регулирование поведения человека, направление его деятельности в такое русло, которое служит интересам общества и государства. Причем в форму права облекается не всякое желание, не всякая воля, а только то желание и та воля, которые имеют важное общественное значение. Правовая система нацелена на регулирование общественных отношений.

Решая повседневные практические задачи регулирования социалистических общественных отношений, советское право оказывает огромное воспитательное воздействие, оно нацелено на настоящее и будущее, на то, чтобы своим идейным зарядом, своими установками, нормами воспитывать наших людей в духе служения интересам трудящихся и государства. Смысл жизнедеятельности советского права — содействие всестороннему, гармоничному развитию личности, утверждению принципов коммунистической морали. Как указывал В. И. Ленин, «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»¹.

Идеи коммунистической нравственности пронизывают все нормы поведения социалистического общества, в том числе и правовые. По своим целям и задачам, идейной направленности право и мораль близки. Они одинаково детерминированы условиями материальной жизни общества, служат классовым интересам и отличаются друг от друга тем, что по-разному возникают, имеют различную силу императивности. Сила и авторитет советских законов опираются не только на признание их целесообразности, но и на их высокую нравственную обусловленность. Каждая правовая норма действует и как веление государства, и как требование морали.

На январском (1987) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев отмечал, что на нравственную атмосферу оказывают пагубное влияние «факты пренебрежительного отношения к законам...»² Нравственная атмосфера находится в прямой связи с состоянием законности, а состояние законности во многом зависит от нравственной атмосферы.

Большую роль в регулировании деятельности человека, его поступков играют обычаи и традиции. Поступки людей, многократно повторяемые и получающие широкое распространение и одобрение, приобретают характер обычаев. Их императивность не идет в сравнение с

¹ См.: В. И. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 313.

² См.: Материалы Пленума ЦК КПСС, 27—28 января 1987. М., 1987. С. 12.

правом и моралью, но они так же живучи, влиятельны и обязательны, как и нормы морали. Особенно велико значение народных обычаев, которые отражают характер, трудолюбие, доброту, душу народных масс. Не считаться с ними нельзя. Поэтому законодатель, издавая те или иные акты, учитывает и назревшие экономические потребности, и уровень зрелости и сознательности масс, и действующие обычаи и традиции. Право действует легко и просто, если оно не противоречит подлинно народным традициям и обычаям, если оно опирается на них. Право, мораль, обычаи не только влияют на общественные отношения, но и непосредственно регулируют их, давая им ту или иную оценку, одобряя или осуждая те или иные отношения.

Правовые нормы, нормы морали, обычаи и традиции, все социальные нормы находятся в сложном взаимодействии между собой. Эффективность правового регулирования в значительной мере зависит от согласованности требований правовых норм с установками и требованиями морали, обычаев и других неправовых социальных норм. Сложность внутренней интеграции состоит в том, что наряду с нормами коммунистической морали в сознании отдельных людей живет еще мораль обывателя, собственника, эгоиста. С передовыми народными обычаями и традициями сосуществуют старые, отжившие, вредные обычаи, которые мешают формированию нового человека. Идет неустанная борьба нового со старым. Старое стремится сохранить себя, облекаясь нередко в форму народного обычая. Социалистическое право выступает надежной опорой коммунистической морали и передовых обычаев в борьбе с реакционными, антиобщественными нормами морали и обычаев.

Как справедливо замечает В. В. Лазарев, «социалистическое право выполняет свою роль только при условии согласованности и синхронности с действием иных социальных норм»³. Известный болгарский ученый Янко Г. Янев также отмечает, что «эффективность права в значительной степени зависит от соотношения взаимных связей, взаимопроникновения и взаимодействия его норм с остальными видами нормативных регуляторов»⁴.

К сожалению, эти проблемы в литературе еще не нашли должного места⁵. Между тем интересы ускорения социально-экономического развития страны, повышения эффективности правовых норм требуют максимального учета всех факторов, влияющих на правотворчество, применение права, и, в частности, учета роли, места и значения неправовых социальных норм.

Пренебрежение народными обычаями ведет иногда к нежелательным явлениям или способствует формированию у отдельных людей отрицательного отношения к окружающему. Как известно, 23 августа 1987 г. в Риге, Вильнюсе и Таллине произошли события, в организации которых активное участие приняли антисоветские круги эмиграции и западные «специалисты». Задуманная ими провокация с треском провалилась. Тем не менее этот факт требует изучения.

³ См.: Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов: Вопросы теории. Казань, 1975. С. 119.

⁴ См.: Янев, Янко Г. Правила социалистического общежития: Их функции при применении правовых норм. М., 1980. С. 18.

⁵ Вопросы, связанные с социальными нормами, их понятием, содержанием, особенностями, были в свое время освещены в работах М. П. Каревой, С. И. Вильнянского, Н. Г. Александрова, Е. М. Пенькова, П. Е. Недбайло, Н. С. Алексева, С. С. Алексева, М. Н. Кулажникова и др. В последние годы вновь повысился интерес к этой теме. См., напр.: Бачина швили И. М. Особенности права как вида социальных норм // Советское государство и право. 1981. № 8; Его же. О понятии социальной нормы // Право и правотворчество: Вопросы теории. М., 1982; Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978; Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М., 1986; и др.

В корреспонденции спецкоров «Правды», например, отмечается обида гражданина, почти 30 лет проживавшего в Вильнюсе. Он сказал, что «по-русски с тобой не хотят разговаривать, даже на «здравствуйте» не отвечают...» Ему ответили: «Пеняй на себя. Ведь это не просто стыдно — прожить столько лет в республике и не знать истории и культуры литовского народа, его языка — это прямое неуважение к тем, кто тебя окружает. И, естественно, вызывает их раздражение»⁶. В «Комсомольской правде» журналист, анализируя эти же события, пишет: «Согласитесь, вырасти в какой-либо республике, проучиться десять лет в школе и не уметь связать двух слов на местном языке — такое вполне может вызвать раздражение. Важно уметь уважать народ, среди которого живешь, его традиции»⁷.

Здесь уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что интернационализм со стороны большой нации «должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны... нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу...»⁸

Это методологически важное указание В. И. Ленина имеет прямое отношение к обычаям и традициям народов, их языку, культуре и т. д.

Каждый вид социальных норм имеет свои особенности, и его развитие происходит не изолированно от других видов, а во взаимном переплетении, во взаимодействии, в состоянии постоянной детерминации и интеграции.

Если один вид социальных норм функционирует, а другие не действуют, попираются, то может возникнуть ненормальная ситуация. Конкретным примером может служить материал, опубликованный в газете «Совет Узбекистони» под рубрикой «Мораль и этика» («Ахлоқ ва одоб»). Статья называется «Дорог человек и его память» («Инсон азиз, хотираси хам»). В ней рассказывается о том, что гражданин М., будучи в командировке в Ташкенте, остановился в гостинице «Ленинград». 14 ноября 1985 г. он скоропостижно скончался. Через 15 дней его похоронили на Домрабадском кладбище г. Ташкента. 30 ноября 1985 г. произошло перезахоронение. Останки были увезены в Фаришский район и похоронены в кишлаке Нурек. С точки зрения права, было сделано как будто все. О смерти сосед по комнате немедленно сообщил дежурному по этажу. Была проведена судебно-медицинская экспертиза, установившая, что М. умер от сердечной недостаточности. Сообщили органам милиции и прокуратуре. Паспорт, пенсионная книжка, другие документы умершего были взяты старшим следователем районной прокуратуры И., хранились у него 15 дней в сейфе и лишь 30 ноября 1985 г. переданы родственникам. С точки зрения морали и обычаев, элементарного человеческого долга, ничего не было сделано. Семье, на работу никто ничего не сообщил. Жена умершего и семеро детей мучались неделями в неизвестности от того, что отец не возвращается из командировки. Все это вызвало естественное возмущение общественности⁹.

Такие примеры наглядно подтверждают, насколько важно в жизни взаимодействие правовых и неправовых социальных норм.

Принято говорить о системе социальных норм как имеющей свои подсистемы. В ином контексте каждую подсистему можно рассматривать как самостоятельную систему. Советская юридическая наука мно-

⁶ См.: Правда, 1987. 1 сент.

⁷ См.: Комсомольская правда. 1987. 26 авг.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.

⁹ Совет Узбекистони. 1986. 8 авг.

гое сделала для раскрытия социальной ценности права, которое является подсистемой в системе социальных норм и в то же время имеет свою систему. Ученые-юристы плодотворно трудятся над исследованием сложной природы права, выявлением классово-волевого характера его содержания, многообразия форм проявления права в различных сферах нашей жизни¹⁰. Заслугой наших юристов — ученых и практиков является создание развитого законодательства, дающего четкие ответы на самые различные правовые вопросы, порождаемые жизнью. Тем не менее впереди еще много нерешенных проблем¹¹.

Преимущества норм права над другими социальными нормами очевидны. Они четко и ясно выражены, обеспечены авторитетом, принудительной силой государства, на службе у права находится эффективный и мощный государственный механизм, который следит за реализацией права, охраняет его от посягательств. Отличие права как самостоятельного вида социальных норм от других, неправовых социальных норм довольно обстоятельно раскрыто в литературе¹². В теории права, однако, пока не определены, критерии пределов вмешательства права в сферу регулирования общественных отношений. Эти критерии устанавливать непросто. В истории советского законодательства были примеры, когда тем или иным фактам придавалось значение юридического факта, или наоборот. Надо полагать, что только сам законодатель, исходя из объективных потребностей общества, может определять, какие сферы отношений необходимо регулировать законом.

П. Н. Федосеев справедливо подчеркнул, что юристам «предстоит изучить пути повышения эффективности правового регулирования общественных отношений в условиях дальнейшего сближения всех социальных групп, укрепления взаимосвязи законодательства с другими социальными регуляторами, особенно с моральными нормами»¹³.

Во всей системе социальных норм только право выступает официальным выразителем государственной воли. Правовые нормы носят ярко выраженный волевой, активный характер в отношении поведения людей и других социальных норм. И государство прежде всего заинтересовано в успешной реализации права, т. е. своей воли, воли всего советского народа, облеченной в форму законов. Но поскольку реализация права происходит в сложной системе взаимоотношений социальных регуляторов, государство заинтересовано в том, чтобы неправовые социальные регуляторы способствовали реализации права, а не сталкивались с ним. Государство, устанавливая правовые нормы, подчеркивает важность, государственно-правовой характер, общественную значимость правил поведения, требуемых правовыми нормами. Право, в отличие от других социальных норм, имеет четкую определен-

---

¹⁰ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 358; Т. 2. М., 1982. С. 360; Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 472; Явич С. Л. Сущность права. Л., 1985. С. 208; Халфина Р. О. Что есть право: понятие и определение//Советское государство и право. 1984. № 11. С. 21—28; Кудрявцев В. Н., Васильев А. М. Право: Развитие общего понятия//Советское государство и право. 1985. № 7. С. 3—13; и др.

¹¹ См.: Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987//Правда. 1987. 28 янв.

¹² См.: Бачиашвили И. М. Особенности права как вида социальных норм//Советское государство и право. 1981. № 8. С. 136—139; Пеньков С. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972. С. 197; Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 343; Марксистско-ленинская общая теория государства и права//Социалистическое право. М., 1973. С. 9—85; Васильев А. М. Правовые категории. М., 1976. С. 121—125; Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959; Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. С. 264.

¹³ См.: Советское государство и право. 1985. № 2. С. 5.

ность, как в смысле требования должного поведения, так и мер ответственности в случае невыполнения этого требования. Степень императивности правовых норм, в отличие от других социальных норм, более высока и эффективна.

Связь права с другими социальными нормами многогранна. Она выражается и в общности лежащих в основе социальных норм идей, в целенаправленности, взаимовлиянии и взаимопроникновении, взаимной поддержке и взаимной оценке. Дух, характер, весомость социальных норм учитываются в правотворчестве и в правоприменительной деятельности. Социальные нормы в целом отражают общественное сознание, особенности народа, его культуры, быта и др. Поэтому право не может не считаться с иными действующими в обществе социальными нормами.

Взаимовлияние и взаимопроникновение права и неправовых социальных норм выражаются, во-первых, в том, что в процессе правотворчества учитываются действующие нормы морали, обычаи и традиции. Во-вторых, правоприменительная деятельность опирается на общественное сознание, на действующие нормы морали, обычаи и традиции. В-третьих, право самим фактом своего функционирования оказывает влияние на развитие морали, обычаев и традиций. Неправовые социальные нормы обладают большой динамичностью, приспособляемостью, живучестью, подверженностью коррозиям. Так, ослабление в ряде регионов законности имело следствием ухудшение нравственной обстановки, а это, в свою очередь, приводило к искажению обычаев и традиций. Например, народный обычай уважать и почитать старших, родителей превратно истолковывался как почитание старшего по должности. Отсюда угодничество, подхалимаж, чиновпочитание, имевшие пагубные последствия в жизнедеятельности коллективов. Неприменение правовых норм в борьбе с пьянством привело к распространению вредных традиций отмечать те или иные события употреблением спиртных напитков, причем это не всегда считалось аморальным явлением.

Право способно преобразовать неправовые социальные нормы, перестроить их в соответствии с требованиями времени, а передовые социальные нормы, в свою очередь, способны оказать воздействие на развитие права.

Правовые нормы — носители определенных идейных зарядов — оказались бы недостаточно эффективными, если бы рядом не действовали неправовые социальные нормы, и наоборот. Это можно убедительно проиллюстрировать на примере борьбы с пьянством и алкоголизмом. Если вести борьбу с пьянством и алкоголизмом только правовыми средствами, административными мерами, то большого успеха добиться нельзя. Борьба с пьянством и алкоголизмом приняла всенародный, наступательный, эффективный характер потому, что к решению этой задачи подключались партийные, государственные, профсоюзные, комсомольские организации, трудовые коллективы, средства массовой информации, все передовые социальные нормы. Предопределило характер борьбы, ее дух, наступательность, бескомпромиссность известное постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». ЦК КПСС осудил недостатки, имевшиеся в этом деле в прошлом, дал всестороннюю характеристику состояния дела, наметил конкретные меры по преодолению этого уродливого явления. Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» стало той партийно-политической нормой, тем мерилом, масштабом поведения, которые всколыхнули все социальные нормы, привели их в движение и предопределили генеральную линию поведения в данном вопросе. Под этим углом зрения были пересмотрены нормы морали, обычаи и традиции, отношение людей ко всему тому, что было связано с употреблением спиртных напитков. Были взяты на вооруже-

ние народная мудрость, нормы морали, лучшие народные обычаи и традиции, все то, что могло помочь государству и праву в искоренении пьянства и алкоголизма. Это поучительный пример, того, насколько весомы, значимы в нашей жизни неправовые социальные нормы.

Действительность во всем ее конкретном разнообразии, многогранности, противоречивости, в постоянном движении, развитии от низшего к высшему требует по-новому ставить вопрос о взаимодействии социальных норм с учетом их растущего значения в борьбе нового со старым, передового с отжившим, отсталым.

В свое время действовала, например, правовая норма, признававшая только зарегистрированный брак имеющим юридические последствия для супругов. Такое правило снимало ответственность с фактического отца, оставившего ребенка без внимания, а мать — без средств к существованию. С точки зрения морали, подобные отцы заслуживали осуждения со стороны общественности, но с точки зрения права, они были неуязвимы. На это в свое время указывалось в юридической литературе¹⁴. Пленум Верховного Суда СССР от 14 сентября 1960 г. издал руководящее разъяснение, что алименты на детей могут быть взысканы с фактического отца, если он, хотя и не состоял с матерью в зарегистрированном браке, но совместно с ней проживал, вел сообща хозяйство и совместно содержал ребенка. Это соответствовало требованиям норм морали. В дальнейшем отмеченная выше норма права, введенная Указом от 8 июля 1944 г., была пересмотрена. Оценка ее с позиции морали дала возможность обосновать отмену этой нормы права.

Участие норм морали, обычаев и традиций в применении правовых норм позволяет глубже и всестороннее взвесить факты и утвердить принцип справедливости. Бывает, суд по всем формальным основаниям выносит как будто обоснованный приговор, а в зале заседания, у слушателей процесса, этот приговор не вызывает чувства удовлетворения. Более того, внутренний голос, голос совести протестует против приговора. Скажем, отдельные факты превышения необходимой обороны, подпадающие под квалификации статей УК, в общественном мнении не воспринимаются как аморальные. Между тем в следственно-судебной практике допускалось немало ошибок, связанных с формальной, поверхностной оценкой действий граждан, находившихся в состоянии необходимой обороны¹⁵.

В понятие необходимой обороны включалась возможность уклониться от нападения путем бегства или любым иным пассивным путем. Такой подход не может, естественно, соответствовать духу и букве закона, а к тому же подрывает решимость граждан активно участвовать в борьбе с нарушениями общественного порядка. В правильном, справедливом решении вопроса о превышении необходимой обороны, о наличии криминалов в действиях оборонявшегося немалую роль играет оценка их с позиций морали, реальной жизни, справедливости. «Литературная газета», например, в одном из номеров под рубрикой «Мораль и право» сообщала о том, что, «защищая жизнь и достоинство близких, шофер В. Мухин нанес удар хулигану, который после этого не поднялся. «Убийцу» судили и осудили, а потом началась борьба за свободу и доброе имя человека, который не смог снести унижений, не стал ждать, когда надругаются над женой и ребенком, и поступил так, как подсказывала ему совесть и честь, человеческое достоинство и долг мужчины»¹⁶. В данном случае восторжествовали мораль и пра-

¹⁴ См.: Вильнянский С. И. Правовые и иные социальные нормы в период развернутого строительства коммунизма//Правоведение. 1962. № 4. С. 23 и др.

¹⁵ См. об этом: Смоленцев Е. Практика применения судами законодательства о необходимой обороне//Социалистическая законность. 1984. № 12. С. 3—8.

¹⁶ Литературная газета. 1985. 16 янв.

во, но ценою огромных усилий. Взаимодействие правовых и моральных норм должно быть более эффективным и оперативным.

Противоречия между нормой права и другими социальными нормами могут быть и встречаются на практике. Можно, скажем, в соответствии с нормами административного права, привлечь к ответственности пожилую женщину, нарушившую правила уличного движения, перейдя улицу при красном свете светофора. Но здесь может быть и другое решение. Регулировщик, видя, что женщина недостаточно четко ориентируется при переходе улицы, поднимает свой жезл, останавливает движущийся транспорт и, беря под руку женщину, помогает ей перейти дорогу. Можно ли осуждать подобные действия регулировщика? Безусловно, нет. Взаимодействие права и морали может подсказать именно такое решение.

В целом правовая система и системы неправовых норм социалистического общежития в советском обществе по своему духу, направленности, целям и задачам совпадают. Партийно-политические нормы, нормы права и морали, обычаи и традиции и другие нормы социалистического общежития служат прогрессу, удовлетворяют духовные потребности людей, выражают интересы народных масс, наполняют жизнь советских людей богатым содержанием.

В ряде случаев советский закон прямо требует уважительного отношения не только к законам, но и к социальным нормам неправового характера. Тем самым закон подчеркивает необходимость уважения духовных ценностей народа, его обычаев и традиций, его культуры, его истории, его национальных особенностей. Так, ст. 4 Закона СССР о правовом положении иностранных граждан в СССР, принятого Верховным Советом СССР 24 июня 1981 г., прямо предписывает, что «находящиеся в СССР иностранные граждане обязаны уважать Конституцию СССР и соблюдать советские законы, с уважением относиться к правилам социалистического общежития, традициям и обычаям советского народа»¹⁷. Конституция СССР требует от граждан СССР не только «соблюдать Конституцию СССР и советские законы», но и «уважать правила социалистического общежития» (ст. 59).

Есть нормы права, которые продиктованы социальными нормами неправового характера. Так, статьи УК Узбекской ССР и других республик о жестоком обращении с животными и птицами, о надругательстве над могилами и некоторые другие отражают требования морали и народных обычаев, складывающихся у народов на протяжении длительного времени.

В социалистическом обществе еще имеют место проявления буржуазной морали, эгоизма, накопительства, частнособственнических тенденций, старых, вредных обычаев, религиозных обрядов и т. д. С одними из них право ведет непримиримую борьбу, к другим относится терпеливо, действие третьих в разумных пределах ограничивает. Например, ст. 80 УК Узбекской ССР считает отягчающим обстоятельством умышленное убийство на почве пережитков прошлого по отношению к женщине. С подобными пережитками, которые подчас ведут к тяжким преступлениям, государство и право ведут последовательную и бескомпромиссную борьбу.

Терпеливо относится право к ряду религиозных норм, более того, оно гарантирует охрану свободы совести. Так, ст. 146 УК УзССР гласит, что в уголовном порядке наказывается «воспрепятствование совершению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка, не сопровождаются посягательством на права граждан». Эта статья свидетельствует и о том, что поскольку свобода совести га-

¹⁷ См.: Конституция СССР и развитие советского законодательства. М., 1983. С. 530.

рантирована Советской Конституцией, верующие могут соблюдать религиозные обряды. Но государство ставит обоснованное условие, чтобы при этом не нарушался установленный правом общественный порядок и не было посягательства на права граждан. Закон запрещает верующим совершать обманные действия с целью возбуждения суеверий в массах населения или извлечения из этого материальных выгод. Право пресекает такие действия, когда под видом проповедования религиозных верований и исполнения религиозных обрядов причиняется вред здоровью граждан, игнорируются требования закона относительно тех или иных гражданских обязанностей. Тем самым право в рамках конституционной нормы о свободе совести ограждает интересы государства, общества, граждан от общественно опасных поползновений апологетов религии.

На XXVII съезде партии и последующих Пленумах ЦК КПСС отмечалось, что в нашей жизни еще не полностью соблюдаются все социалистические принципы и нормы. Осуществляемая в нашей стране перестройка предполагает решительное изживание этих и других негативных явлений, строжайшее соблюдение принципов социалистической законности и укрепления правопорядка, идей социальной справедливости, высоких идеалов коммунистической морали.

Н. И. АБДУРАХМАНОВ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭВРИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СТРУКТУРНОСТИ

С точки зрения марксистско-ленинской методологии возможность любого теоретического исследования предполагает наличие определенной структуры, которая только и может быть предметом анализа. Это делает понятие о структурности объективной реальности необходимым принципом теоретического знания. История науки неопровержимо свидетельствует, что все научные революции сопровождались переходом к изучению нового структурного уровня материи. Более того, сама неравномерность развития научного познания определялась в значительной мере трудностями познания новых структурных уровней организации материи, влекущего подчас фундаментальный пересмотр не только самих представлений но и языка научных теорий.

Методологическое значение принципа структурности состоит в том, что на его основе возможно обобщение частнонаучных и общенаучных понятий, что способствует открытию еще не известных науке закономерностей и процессов объективного мира. Принцип структурности, как и известные категории диалектики, «предвосхищают новые достижения, открывают широкие возможности для научного творчества, ведут его в определенном направлении»¹.

Исследование принципа структурности показало, что развитие научного знания на основе обобщения общественно-исторической практики постепенно углубляло представление о структурности материи. В свою очередь, основные закономерности структурной организации материи, сформулированные в виде законов и принципов, служили основой развития и научного познания, и общественной практики.

Открытие и теоретическое осмысление структурности материального мира явилось одной из существенных предпосылок для развития методологической и эвристической функций любой научной теории.

¹ Копнин П. В. В. И. Ленин и материалистическая диалектика. Киев, 1969. С. 186.

Дело в том, что методологический принцип предполагает движение мысли от известного к неизвестному, различие которых в наиболее яркой форме проявляется как различие известного и неизвестного структурного уровня материи. Таким образом, принцип структурности мира привел к появлению новых, качественных возможностей в развитии методологии научного познания, что дало основание Б. Расселу поднять методологическое значение принципа структурности на уровень чуть ли ни универсального инструмента познания².

Методологическое значение принципа структурности проявилось прежде всего в отражении важнейшей закономерности научного познания, согласно которой «выход на новый структурный уровень строения материи всякий раз открывал принципиально новые явления в микромире, а с ними — и новые возможности на макроуровне»³. Обоснование этого положения стало прямым итогом развития принципа структурности в познании материи и знаменовало по существу новый этап в развитии научной методологии. В первую очередь это дало возможность разрешить задачу, поставленную развитием физического познания за последние двадцать лет: непреодолимые трудности нахождения элементарных принципов физической теории породили в качестве альтернативы уже подтвержденную в многочисленных экспериментах точку зрения, что «поскольку вся материя состоит из элементарных частиц и полей, фундамент естествознания должен быть основан в конечном счете на законах, управляющих этими простейшими объектами»⁴. Важная часть этой программы — обнаружение простейших, но вместе с тем фундаментальнейших структур материи, исследование которых показало, что «создание структурных моделей элементарных частиц не только объяснило их классификацию, но и позволило раскрыть структуру взаимодействий, создать теорию динамических отношений частиц в различных взаимодействиях»⁵.

Реализация этой научной программы привели к убеждению, что в теории элементарных частиц заложены некоторые фундаментальные принципы, дающие возможность выхода за пределы данной теории в область принципиально новых идей и предложений. Таким образом, принцип структурности показывает, что «знания в области строения микромира служат фундаментом всех естественных наук»⁶.

Методологическое значение принципа структурности состоит также в подтверждении возможности достижения единства научного знания, отражающего единство материального мира⁷. Ныне эта идея находит подтверждение в программе объединения всех известных взаимодействий (сил) природы. Опираясь на идею материального мира, отраженную в принципе структурности, ученые, начиная с А. Эйнштейна, прилагают усилия к объединению указанных видов взаимодействия. «... Мы давно привыкли к мысли о единстве природы,— писал акад. М. А. Марков.— Но мы не умеем описать единство четырех «стихий», когда различными путями стремимся к нему»⁸.

Как принцип теории познания изучение свойств любых структур предполагает их бесконечность и неисчерпаемость. Однако и в этом случае мы можем проследить ряд особенностей. Признание глобальной

² См.: Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 506.

³ Логунов А. Фундаментальные законы микромира//Коммунист. 1985. № 6. С. 103.

⁴ Кулаков Ю. И. О необходимости новой постановки проблемы в теоретической физике//Физическая теория. М., 1980. С. 195.

⁵ Пахомов Б. Я. Становление современной физической картины мира. М., 1985. С. 227.

⁶ Логунов А. Фундаментальные законы микромира. С. 103.

⁷ См.: Эйнштейн и философские проблемы физики XX в. М., 1979. С. 273.

⁸ Марков М. А. О природе материи. М., 1976. С. 194.

структуры материального мира в науке шло путем перехода от изучения структур с ярко выраженной асимметрией к структурам, характеризующимся большей степенью симметрии. Достаточно очевидно, что на стадии максимальной структурной симметрии материального мира объем непознанного должен в известной степени сократиться: чем меньше асимметрия в структуре, тем менее (в объекте) доступно изучению на существующем языке науки. Таким образом, абсолютная истина, если стремиться выразить ее на языке современной науки, актуально достижима. Однако язык науки при переходе в область почти полной симметрии в структуре материи должен коренным образом измениться. Необходимость изменения языка научных теорий, средств и методов научного познания при переходе в область новых структурных особенностей материи является также одним из выражений принципа неисчерпаемости природы, который предполагает, что различные структурные уровни материи требуют различных концептуальных средств познания. Вместе с тем по мере постепенного перехода к изучению простейших и потому фундаментальных форм движения материи, когда прибор все меньше способен познать в объекте с уменьшающейся асимметрией в структуре, центр тяжести в познании мира смещается от эмпирического уровня к все более глубоким обобщениям, которые не являются простым отражением опыта (как у Ньютона), а все больше основываются на критерии внутренней непротиворечивости теории, выполняющей функцию совокупного предпосылочного знания. В дальнейшем в познании возрастает роль теоретического опыта науки, сформулированного в виде апробированных принципов, методов, предполагающих их усовершенствование и, если необходимо, преодоление. В этих условиях исключительное значение приобретает философский анализ структуры материального мира, определение диалектики симметрии и асимметрии, общей основой которой является представление о том, что развитие есть эволюция в направлении возрастания асимметрии в структуре материи.

Методологическое значение принципа структурности основывается также на том, что любая структура относительно устойчива, чем обусловлена потенциальная возможность и неизбежность перехода одной структуры в другую, т. е. качественное изменение структуры. Причиной такого изменения традиционно считается внешнее воздействие (нагрев, сжатие, намагничивание и т. д.), под влиянием которых происходит подавляющее большинство вынужденных структурных трансформаций в макром мире. Это явление, получившее название фазовых переходов, хорошо известно в физике⁹.

Рассматривая механизм внешнего воздействия на различные структуры, В. В. Агудов убедительно показал роль структурных изменений в появлении нового качества¹⁰, а также место принципа структурности в диалектической концепции развития. Так, в понятийном аппарате закона единства и борьбы противоположностей предполагается структурный принцип взаимодействия, обеспечиваемый опосредующими звеньями. Принцип структурности проявляется в том, что взаимодействующие противоположности исключают (асимметрия) и одновременно предполагают (симметрия) друг друга.

Изучение роли структурных изменений и функционирования закона перехода количественных изменений в качественные дало возможность установить диалектическое единство «определенного количества и определенной структуры»¹¹, показав, что принцип структур-

⁹ Покровский В. Л. Фазовый переход//Физический энциклопедический словарь. М., 1983. С. 800.

¹⁰ См.: Агудов В. В. Место и функция «структуры» в системе категории материалистической диалектики. М., 1979. С. 133—143.

¹¹ Там же. С. 143.

ности, применительно к исследованию единичных процессов, отдельных предметов, предполагает рассмотрение перехода структуры в качество, взаимопереход количества и структуры, влияние и качества на количество и структуру. Наконец, закон отрицания, раскрывая направленность структурных изменений, характеризует прогрессивное развитие системы в результате повышения асимметрии в структуре материи. Таким образом, общая закономерность диалектической концепции развития, отраженная в принципе структурности, предполагает возрастание фактора времени в развитии, усиление асимметризации, индивидуализации и организации объективного мира.

Проблема взаимосвязи структурных, количественных и качественных изменений касается области конечных процессов, явлений, ограниченных во времени и пространстве. Такая система, как правило, нуждается во внешнем воздействии, чтобы в ней возникли соответствующие изменения. Однако, если брать мир как целое, то все изменения в нем есть результат структурных превращений, что отражено в законе сохранения энергии. Но в таком случае и количественные, и качественные изменения будут результатом структурных. Напрашивается вывод, что мир изменяется благодаря его структурности, т. е. определенным конечным взаимодействиям.

С эвристической точки зрения наиболее интересна возможность спонтанного изменения структуры, которое происходит в результате принципиально неустранимых взаимодействий частиц и полей, т. е. в результате самодвижения материи. Открытие таких изменений показывает, что потенциальное свойство variability структуры заложено в самой природе материи. Правда, в какой-то степени это относится и к самим фазовым переходам, которые могут быть как вынужденными, так и спонтанными. Всеобщность указанного явления выражается в том, что спонтанные переходы как фундаментальное свойство материи присущи даже физическому вакууму, т. е. состоянию материи без реальных частиц. Между тем до недавнего времени господствовало представление, что вакуум по существу бесструктурен. Возможность спонтанных переходов между различными вакуумами, каждый из которых отвечает определенному состоянию материи, убедительно подтвердила variability вакуумной структуры. Таким образом, в относительной устойчивости и флуктуациях выражено диалектическое единство противоположностей: принцип структурности предполагает в данном случае, что нет абсолютно статичных структур, поскольку в противном случае пришлось бы признать неизбежность исчезновения флуктуаций, что привело бы к представлению о бесконечной жесткости структуры, которое полностью противоречит специальной теории относительности.

Принципиальная особенность спонтанных переходов проявляется в том, что они характеризуют системы, не подверженные внешним воздействиям. Единственный объект такого рода — Вселенная в целом. Поэтому в вопросах происхождения и эволюции Вселенной изучение изменений структуры материи путем спонтанного нарушения симметрии играет исключительную роль.

Идея изменения структуры Вселенной путем спонтанного нарушения симметрии в современной космологии рассматривается как наиболее убедительная альтернатива постулату мирового разума. Основные положения этой теории разработаны в концепции раздувающейся Вселенной, опирающейся на предположение о возможном конфайменте гравитирующих масс при очень высоких плотностях энергии. В содержании этой концепции реализовалась полностью методологическая и эвристическая идея зависимости представлений об общей эволюции Вселенной от учения о структуре микромира.

Известно, что теория элементарных частиц глубочайшим образом

связана с космологическими представлениями: микромир, изучаемый современной физикой, содержит «информацию» о всех этапах эволюции Вселенной. Один из методологических выводов, основанных на изучении структуры микромира, — положение, что при определенных условиях, на ранней стадии эволюции Вселенной, все реальные частицы были «раздавлены» взаимодействием, лишены какой-либо индивидуальности, а, следовательно, соответствующая материальная среда представляла собой однородный физический вакуум. Идея раздавливания частиц не нова. Применительно к атомам она использовалась в физике высоких (но достижимых в лабораторных условиях) давлений, применительно к атомным ядрам — в уже оправдавшей себя теории нейтронных звезд, применительно к адронам — в интенсивно развивающейся теории кварк-глюонной плазмы. Когда структура материи представлена реальными частицами, это означает, что плотность материи внутри частицы больше, чем средняя плотность материи в целой системе. Так, вопрос, из каких частиц состоит нейтронная звезда, плотность которой порядка плотности атомного ядра, не лишен смысла в том случае, если существуют частицы с еще большей плотностью, а таковые уже найдены — это кварки.

Постоянное возникновение и разрешение этого вопроса в свете ленинской идеи неисчерпаемости материи не исключает изменения наших представлений о структурности материи, вплоть до признания, что в определенных условиях «речь может идти только о смеси различных ... частиц, а в таком случае более разумно говорить о непрерывной материи»¹².

Рассматривая примеры с последовательно возрастающим давлением и плотностью материи в раздавливаемых частицах, мы приходим к выводу: если существует предельная плотность материи в элементарной частице, то Вселенная неизбежно должна была возникнуть из вакуума, в котором не могло быть индивидуализированных частиц. Эвристическое значение этого положения трудно переоценить. Если изначальное состояние Вселенной есть максимально симметричный вакуум, то генерация реальных частиц, их массы, а также все прочие характеристики — результат спонтанного нарушения симметрии и образования в ходе расширения Вселенной нового вакуума. По мере расширения и уменьшения плотности, давления и силы взаимодействия Вселенная становится нестабильной по отношению к рождению реальных частиц.

Дальнейшая эволюция мира происходит по схеме расширяющейся горячей Вселенной, которая описывается фридмановским нестационарным решением уравнений общей теории относительности: по мере охлаждения одна за другой нарушаются другие симметрии, например, между числом барионов и антибарионов, между различными типами взаимодействия, между «правыми» и «левыми» полями. Таким образом, эволюция материи предстает как эволюция структуры, проявляющаяся в возникновении и уничтожении определенных типов соотношения симметрии и асимметрии, а эвристический смысл принципа структурности проявляется в понимании качественного своеобразия самодвижения материи, зависящего от условий, в которых оно происходит. Эвристическая ценность познания глубинных уровней строения материи состоит в выяснении того, что по мере продвижения в глубь микромира выясняется изменение соотношения между отдельными «элементарными» объектами, с одной стороны, и взаимодействиями между ними, — с другой. Суть состоит в том, что взаимодействие поглощает, растворяет в себе взаимодействующие компоненты (так называемая сильная связь), которые в конечном итоге утрачивают свою индивидуальность.

¹² Успехи физических наук. 1977. Т. 121. Вып. 4. С. 676.

дуальность, ингредиентность, что становится бессмысленным представление о них как об объектах, которые хотя бы приблизительно могли бы рассматриваться сами по себе, т. е. без учета взаимодействия между ними.

Таким образом, принцип структурности предполагает, что исходной теоретической абстракцией в познании мира является постулат существования максимально симметричного физического вакуума — самой изначальной и фундаментальной структуры природы. Единственное, что отделяет его от абсолютной симметрии в структуре, — это флуктуации, которые на квантовом языке описываются как виртуальные частицы. При расширении и соответственно уменьшении плотности материи вакуум становится неустойчивым или, как говорят, «ложным». Это означает, что становится принципиально возможным переход в другое вакуумное состояние: флуктуации в «ложном» вакууме, представляющие зародыш нового, «истинного» вакуума, рано или поздно начнут расти и расширяться и поведут к полному переходу одного вакуума в другой. Это возможно при исключительном явлении — антигравитации, обусловленной отрицательным давлением в «ложном» вакууме. Поскольку плотность энергии «истинного вакуума» меньше, при переходе в другое состояние должна выделяться энергия, которая идет на разогрев нового вакуума, неизбежно сопровождающийся рождением частиц и античастиц. Таким образом, исходя из принципа структурности, можно нарисовать общую картину эволюции Вселенной.

Исследование наиболее фундаментальной структуры природы позволяет объяснить не только механизм эволюции Вселенной, но и предсказать возможные закономерности ее развития в будущем. Так, исследование механизма нарушения зеркальной симметрии предбиологической среды показало необходимость «поддержания хиральной чистоты современной биосферы»¹³ для сохранения жизни. Суть состоит в том, что развитие технологических возможностей человечества постепенно нарушает гармонию (симметрию) в структуре «человек — природа». Нарушение хиральной чистоты биосферы может привести, во-первых, к исчезновению «всего животного мира (и человека)»¹⁴, а во-вторых, к полной рацемизации среды, что «означало бы полное, окончательное исчезновение биосферы»¹⁵. Таким образом, сохранение отдельных структурных компонентов современного мира нельзя обеспечить только путем внимания к его элементам. Угроза загрязнения среды обитания приводит к необходимости осознать, что сохранение человеческого вида немислимо без сохранения всего комплекса «фундаментальных пространственно-временных структур»¹⁶ объективного мира. Таким образом, принцип структурности включает в себя и определенное аксиологическое содержание.

---

¹³ Гольданский В. Возникновение жизни с точки зрения физики//Коммунист. 1986. № 1. С. 93.

¹⁴ Там же. С. 94.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Парсонс Г. Человек в современном мире. М., 1986. С. 291.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ, ПРИКЛАДНЫХ, ПРИРОДООХРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ С СОЦИАЛЬНЫМ ЭФФЕКТОМ¹

Успешная реализация политической стратегии партии, направленной на перестройку и ускорение социально-экономического развития страны, с объективной необходимостью требует перестройки всей системы экономических взаимоотношений между наукой и производством, в основе которой лежит методическая обеспеченность процесса «исследование — производство» и практического внедрения результатов разработок.

В связи с этим Институтом экономики АН УзССР разработана «Методика оценки эффективности фундаментальных, прикладных, природоохранных исследований, долевого участия в комплексных исследованиях с социальным эффектом», в которой в логической последовательности обобщен существующий опыт методики и практики определения эффективности научных исследований и предлагаются методы, критерии оценки по конечным результатам в новых условиях усиления экономических методов хозяйствования, перехода на хозяйственный расчет и самофинансирование².

В основу этих методических рекомендаций положены: «Методика (основные положения) определения экономической эффективности использования в народном хозяйстве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений» (1977 г.), «Методические положения по определению экономической эффективности прикладных научно-исследовательских работ» (1984 г.), «Типовая методика определения экономической эффективности капитальных вложений» (3-е изд., 1983 г.), «Временные методические рекомендации по определению социально-экономического эффекта прикладных научно-исследовательских работ» (1984 г.), «Временная типовая методика определения экономической эффективности осуществления природоохранных мероприятий и оценки экономического ущерба, причиняемого народному хозяйству загрязнением окружающей среды» (1986 г.).

При разработке «Методики» использован опыт аналогичных работ, выполненных в АН УзССР и других союзных республиках. Даны критический анализ применявшихся ранее методик, а также предложения по улучшению их, вытекающие из новых условий, экономических методов управления, перехода на хозрасчет и самофинансирование.

Методика оценки фундаментальных исследований

1. Удельный вес фундаментальных исследований, способных внести революционные изменения в экономику и другие сферы общественной жизни, в перспективе будет увеличиваться. Это вытекает из стратегического курса партии на ускорение и повышение эффективности научно-технического прогресса. Однако общепризнанной методики оценки результатов фундаментальных исследований в настоящее время нет. Из сферы контроля и оценки, таким образом, выпадает большая, всевозрастающая часть научных исследований, наиболее важных и, как правило, требующих больших затрат.

2. Фундаментальные исследования отличаются по своему предмету, глубине и уровню. Они направлены на углубленное изучение закономерностей природы и общества, на создание техники новых поколений, соответствующей их технологии и материалов. Следует подчеркнуть, что не всякое теоретическое исследование является фундаментальным. В условиях же перехода на экономические методы уп-

¹ Публикуется в порядке обсуждения.

² Работа выполнена под руководством и при непосредственном участии акад. АН УзССР К. И. Лапкина и чл.-кор. АН УзССР А. Х. Хикматова группой исполнителей в составе Б. Р. Газиназарова, М. А. Десятчиковой, М. М. Магруппова, З. Д. Худайкулова.

равления и целевого тематического финансирования обозначилась тенденция отождествлять их, обеспечивая, таким образом, бюджетное, а значит, и гарантированное финансирование. Разумеется, каждое прикладное исследование имеет элементы теории, но это не дает основания относить их к исследованиям фундаментальным.

3. Классифицировать теоретические исследования, их фундаментальность — дело самих ученых. Но одним из характерных признаков служит их базовость: результаты фундаментальных исследований носят познавательный характер и непосредственно не реализуются в производстве (практике), а служат исходной научной основой прикладных исследований и разработок. Вследствие этого оценка результатов фундаментальных исследований в экономических показателях затруднена и, как правило, невозможна. Приходится применять экспертную оценку. Но для того, чтобы экспертная оценка была достоверной и сопоставимой, надо иметь единую систему показателей научного вклада, перспективности научной продуктивности фундаментальных исследований (ФИ).

4. Для решения проблемы эффективности фундаментальных исследований предлагались различные данные и методы, основанные на числе публикаций, количестве ссылок на научные труды, доклады, рецензии, диссертации, отзывы отдельных ученых и т. д. Такие данные надо использовать, но они не дают системы оценок. Им свойствен спорадический, несистемный характер, в силу чего они не могут быть основой объективной, комплексной оценки. Многолетняя практика показала, что они используются формально, оставляя вне поля зрения содержательную, качественную сторону научных исследований.

На основе имеющихся подходов и опыта применения экспертных оценок предлагаются три группы показателей эффективности фундаментальных исследований:

- а) показатели экспертной оценки научной ценности,
- б) показатели методической ценности,
- в) показатели общественной значимости.

5. Научная ценность фундаментальных исследований определяется по тому, является ли его результат открытием или гипотезой, научным подтверждением гипотезы (верификацией) или ее опровержением (фальсификацией).

Фундаментальные исследования требуют наличия проблемной ситуации, т. е. обнаружения таких явлений, для понимания которых существующих знаний недостаточно или характер которых противоречит сложившимся в науке представлениям о законах, движущих силах и свойствах природы и общества. При наличии таких проблем возникают потребность и необходимость расширить и углубить наши знания, или, как принято говорить, — «парадигмы», т. е. сложившиеся рамки научных представлений.

Открытие характеризуется новизной, отсутствием аналогов в науке, представляет собой новаторское достижение, открывающее путь для новых подходов и возможностей решения прикладных естественнонаучных, технических или социальных задач.

Гипотеза — предположительное решение проблемы, логически обоснованное, но не подтвержденное фактами, практикой, как ее иногда характеризуют, — «недоказанное открытие». Ценность гипотезы оценивается ее соответствием условиям научного поиска. Таких условий несколько: она не должна придумываться специально для данного случая; на ее основе возможно предвидеть новые явления; она не приводит к отрицанию накопленных и уже доказанных знаний и поддается проверке.

Несомненную ценность имеют исследования, направленные на экспериментальную или другие виды проверки принятой в процессе работы гипотезы — ее подтверждение и возведение на уровень теории или опровержение, фактическое доказательство ее неосостоятельности.

6. Методическая ценность исследования может быть определена также тремя показателями:

- а) разработан новый метод исследования специфического предмета или круга явлений,
- б) уже известный метод применен в другой области,
- в) в результате применения известный метод получил дальнейшее развитие, усовершенствование.

Огромное значение правильного научного метода в фундаментальном изучении специфических явлений общеизвестно. Примерами могут служить павловский метод изучения условных рефлексов, метод отдаленной гибридизации в селекции растений, программно-целевой метод в экономике, метод моделирования и др.

В. И. Ленин определял метод как путь истинного познания, как кратчайшее расстояние к истине, учитывающее конкретные особенности исследуемого предмета. Часто его характеризуют как рациональный подход к изучению или действию. Знание всеобщей методологии (диалектической логики), как правило, необходимо, но для изучения конкретного предмета или решения сложной прикладной задачи недостаточно. Его надо модифицировать в зависимости от особенностей предмета исследований. Создание нового метода исследования (например, болезней с помощью изотопов; структуры атомов в ускорителях или плазмы в магнитном поле; метаболизма при воздействии нейротоксинов) — всегда довольно редкое явление, но раз открытый, он будет уточняться, применяться в других областях и т. д.

И это тоже имеет известную степень научной ценности, должно получить соответствующую оценку.

7. Открытие, гипотеза, метод в принципе представляют и предполагают высокий мировой уровень. Но масштабы их применения могут быть различными. По показателю общественной значимости, т. е. по масштабам применения, фундаментальные исследования можно классифицировать на эффективные в:

- отрасли или регионе,
- народнохозяйственном комплексе страны,
- в мировом масштабе.

8. Совокупность приведенных выше и других показателей, если эксперты сочтут их нужными, дает в основном качественную характеристику результатов фундаментальных исследований. Однако для сравнительной оценки, сопоставления нужны и количественные показатели, хотя бы условные, но сводимые к единству. Такими условными количественными показателями могут быть балловые оценки или коэффициенты. Здесь важно, чтобы, во-первых, эксперты пользовались одной и той же шкалой оценок, во-вторых, чтобы их кратность условно выражала сравнительный вес научного вклада результатов фундаментального исследования. Для ориентировки и обсуждения предлагаем такого рода сводную шкалу.

Показатели и баллы экспертной оценки фундаментальных исследований

1. Показатели научной ценности:

- научное исследование является открытием — 1000
- представляет научную гипотезу — 600
- является подтверждением или опровержением выдвинутой гипотезы — 200

2. Показатели методической ценности:

- создание нового метода исследований нерешенных проблем — 250
- применение уже известного метода в новой сфере познаний — 150
- совершенствование ранее созданных методов исследований на новых объектах или ранее недостаточно изученных явлениях — 100

3. Показатели общественной значимости:

эффективность в масштабе:

- отрасли, региона страны — 100
- народнохозяйственном комплексе страны — 150
- мировом масштабе — 250

9. Для оценки фундаментальных исследований избирается экспертная комиссия из ученых соответствующего профиля. Целесообразно включать в состав комиссии вице-президентов АН УзССР, курирующих данную отрасль науки, ученых и крупных специалистов АН УзССР, вузов, отраслевых НИИ и КБ. Комиссия должна иметь право привлекать компетентных лиц из других республик и научных центров страны. Обсуждение и оценку следует осуществлять в присутствии автора и сотрудников, принимавших участие в исследовании, с соблюдением демократических принципов, широкой гласности.

С 1957 г. в СССР действует Закон об апробации и охране открытий. Комиссия должна оказывать помощь в оформлении и патентовании научных результатов фундаментальных исследований в соответствии с существующим законодательством.

Методика оценки прикладных исследований

1. Оценка прикладных исследований в АН УзССР и в других научных учреждениях практикуется с 1979 г. Осуществляется она на основе «Типовой методики определения экономической эффективности использования в народном хозяйстве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений» (1977 г.).

Принципы этой методики, утвержденной союзными ГКНТ, Президиумом АН ООСР, Госпланом и ВЦСПС, являются обязательными для всех. Некоторые улучшения были внесены в типовую методику в последующие годы, учитывались в практике оценочной работы. В основном она будет применяться и в настоящее время до издания новых положений и изменений.

Основными принципами указанной методики являются:

- обязательность ее принципов как условие соизмеримости и сопоставимости оценок завершенных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в отраслях и регионах,
- экономический принцип оценки по соотношению затрат и конечных результатов фактического внедрения в производстве или производственной сфере,
- стоимостная форма оценки (эффект и затраты в рублях),
- предварительная оценка НИОКР дается производителем (научным учреждением), а окончательная — внедряющей организацией.

2. Базой оценки служит исходное (до внедрения) положение. Рекомендуется давать ее в экономических показателях в среднем за 2—3 года до внедрения или

по лучшему году за последние 5 лет. В обобщенном виде дается оценка по формуле приведенных затрат:

$$Z_0 = (C_0 + E_n \cdot \Phi_0) \cdot A_0$$

где:

Z_0 — затраты в стоимостных показателях,
 C_0 — себестоимость единицы продукта или услуги,
 E_n — норматив эффективности, равный 0,12.
 Φ_0 — стоимость фондов,
 A_0 — объем производства.

3. При расчете эффекта от внедрения результатов завершённых НИОКР, т. е. новой техники, сортов, материалов, технологий, методов организации производства и т. п., учитываются все виды экономии (трудовых, материальных и денежных ресурсов), из которых складывается эффект, в том числе производительность труда, улучшение качества продукции с соответствующим повышением ее цены, снижение фондоемкости, сбережение других видов ресурсов. В обобщенном виде это находит свое выражение в снижении приведенных затрат в сравнении с базисом:

$$\Delta = (C_0 + E_n \Phi_0) - (C_1 + E_n \Phi_1) \cdot A_1$$

где:

Δ — эффект по разнице приведенных затрат,
 $C_1 + E_n \Phi_1$ — приведенные затраты в результате внедрения,
 A_1 — объем производства после внедрения.

4. Десятилетняя практика применения типовой методики обнаружила в ней ряд недостатков:

4.1. Применение оценки по принципу приведенных затрат оказалось вполне возможным только в масштабе института, научного учреждения в целом. По лабораториям (отделам), а тем более по отдельным темам завершённых НИОКР оценка по показателю приведенных затрат оказалась затруднительной ввиду того, что учет потребленных производственных фондов, как правило, отсутствует. Поэтому оценка оказывалась двойственной: в приведенных затратах по подразделению в целом и в текущих затратах по отдельным темам и лабораториям. Переход на целевое тематическое финансирование настоятельно требует организации учета потребленных основных фондов по темам и лабораториям.

4.2. В настоящее время в практике оценки эффекта внедрения разработок и эффективности научно-исследовательской организации остается нерешенной проблема учета эффекта от работ прошлых лет. В некоторых инструкциях предлагалось для оценки эффективности НИР учитывать 6 лет. Этот срок вполне целесообразен в отношении новой техники, конструкции машин при массовом внедрении. Но в отношении результатов НИОКР срок действия оказывается длительным и потому такое ограничение неправомерно.

К таким работам относятся, например, новая система земледелия, сохраняющая эффективность по настоящее время, посев хлопчатника по грядкам и гребням, облучение яиц радиоактивным элементом фосфор-32, некоторые сорта хлопчатника, биологические методы борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур, использование хлореллы как стимулятора роста хлопчатника и на корм скоту и т. д. Поэтому в новом издании методики предлагается учитывать эффект от разработок для оценки эффективности на период до срока морального износа внедренных разработок, т. е. до их обесценения и замены другими, более эффективными (см.: Сборник утвержденных методик. 1983. С. 38).

Вопрос о сохранении эффективности или обесценении работ прошлых лет решается ученым Советом научного учреждения. При этом целесообразно учитывать включенность разработок в государственные планы внедрения результатов НИОКР.

4.3. В предыдущие годы при расчетах эффективности в масштабе институтов учитывалась вся сумма затрат, в том числе затраты на фундаментальные работы. ГКНТ СССР принял положение: затраты на фундаментальные работы, социальные результаты и спецтематику при расчетах эффекта прикладных исследований исключать.

4.4. Экономический эффект дается в годовом измерении: при расчетах экономического эффекта результатов внедрения НИОКР в годовом измерении фактор времени учитывается в тех случаях, когда капитальные вложения и другие затраты осуществляются в течение ряда лет, а также когда текущие издержки и результаты производства вследствие изменения режима работы существенно меняются по годам эксплуатации.

4.5. Учет фактора времени осуществляется путем приведения к единому моменту времени (началу расчетного года) по формуле сложных процентов:

$$B = \frac{1}{(1 + E_n)^t}$$

где:

B — коэффициент приведения,

t — период приведения,

E_n — норматив затрат (табл. 1).

5. Переход на хозрасчет и самофинансирование вносит некоторые изменения в методику определения экономической эффективности НИОКР.

5.1. В качестве конечного результата (эффекта) принимается прибыль, полученная предприятием (объединением) от внедрения результатов завершенных работ, т. е. чистый доход предприятия за вычетом всех затрат.

5.2. Из полученной прибыли часть выделяется научному учреждению, которое разработало внедряемое новшество, по договору или по нормативам распределения хозрасчетного дохода (не менее 20%).

Таблица 1

Коэффициенты приведения по фактору времени

t	at	$\frac{1}{at}$	t	at	$\frac{1}{at}$
1	1,100	0,9091	11	2,8531	0,3605
2	1,2100	0,8264	12	3,1384	0,3186
3	1,3310	0,7513	13	3,4522	0,2897
4	1,4641	0,6830	14	3,7975	0,2633
5	1,6105	0,6209	15	4,1772	0,2394
6	1,7716	0,5645	20	6,7274	0,1486
7	1,9487	0,5132	25	10,8346	0,0923
8	2,1436	0,4665	30	17,4492	0,0573
9	2,3579	0,4241	40	45,2587	0,0221
10	2,5937	0,3855	50	117,3895	0,0085

6. Наукоотдача, т. е. доля науки от эффекта внедрения научных разработок по типовой методике, исчисляется за новую технику, сорта, технологию в размере 40%, за предложения по совершенствованию организации и управления — 15%. Эти показатели носят расчетный характер, т. е. используются при оценке деятельности научных учреждений. Такой порядок сохраняется в настоящее время для прикладных исследований, осуществляемых за счет госбюджета и по договорам. Премирование ученых, разработчиков за высокое качество работ и своевременное выполнение осуществляется заказчиком на основе действующих законоположений. В заключение отметим, что нельзя фактически полученный эффект и наукоотдачу отождествлять с потенциальной эффективностью. Такая ошибка нередко допускается. В методике оценки эффективности потенциальный эффект может определяться только на стадии планирования (проектирования) при определении сферы применения и ожидаемого эффекта при полном объеме освоения.

Методика оценки эффективности природоохранных мероприятий

7. Оценку эффективности исследований природоохранных мероприятий в настоящее время следует производить в соответствии с «Временной типовой методикой определения экономической эффективности осуществления природоохранных мероприятий и оценки экономического ущерба, причиняемого народному хозяйству загрязнением окружающей среды» (М.: Экономика, 1986).

Отметим основные положения этой методики. Эффект приравнивается: а) предотвращенному ущербу от загрязнения окружающей среды, т. е. той сумме затрат, которые могут потребоваться на проведение природоохранных мероприятий для ликвидации этого ущерба; б) эффекту, полученному (в денежной оценке) в результате реализации сберегаемых или улучшаемых природных ресурсов; в) приросту в денежной оценке реализуемой продукции, получаемой за счет утилизации сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов в результате осуществления природоохранных мероприятий.

На практике рекомендуются следующие виды оценок: а) экологическая оценка, б) сравнительная оценка вариантов, в) экономическая оценка природоохранных мероприятий.

7.1. Экологическая оценка дается по соотношению затрат в денежном выражении и эффекта в натуральных показателях. Например, уменьшение минерализации и химического загрязнения водных ресурсов, увеличение плотности лесных массивов, сохранение генетического фонда и др.

Расчет натуральных показателей охраны и окружающей среды ведется на единицу затрат. В качестве базиса оценки используются принятые нормы предельно допустимой концентрации вредных веществ в атмосфере, предельные нормы мине-

рализации и содержания вредных веществ в воде, почве и др. Эта оценка представляет качественный анализ состояния и охраны среды в соответствии с принятыми нормативами.

7.2. Сравнительная оценка средозащитных затрат применяется при выборе вариантов средозащитных мероприятий, обеспечивающих достижение требуемого уровня чистоты окружающей среды с минимальными средозащитными затратами. Все сравниваемые варианты мероприятий, осуществляемых на основе наиболее совершенных из числа применяемых или рекомендуемых технических средств, должны быть сопоставимы по параметрам объектов, на которые распространяются действия средозащитных мероприятий.

7.3. Экономическая оценка природоохранных мероприятий заключается в экономии или предотвращении потерь природных ресурсов, живого и овеществленного труда в производственной и непроизводственной сферах народного хозяйства, а также в сфере личного потребления, достигаемых благодаря их осуществлению.

Экономическое обоснование природоохранных мероприятий осуществляется путем сопоставления их экономических результатов с необходимыми затратами с помощью показателей общей и сравнительной эффективности природоохранных затрат и чистого экономического эффекта природоохранных мероприятий. Экономическим результатом (полным экономическим эффектом) природоохранных мероприятий при расчете общей эффективности природоохранных затрат являются обеспечиваемые этими мероприятиями:

— в сфере материального производства — прирост объемов чистой продукции или прибыли, а в отдельных отраслях или на предприятиях — снижение себестоимости,

— в непроизводственной сфере — экономия затрат на производство работ и оказание услуг,

— в сфере личного потребления — сокращение расходов из личных средств населения.

7.4. При разработке долгосрочных прогнозов, программ по охране окружающей среды в регионе, проектировании средозащитных объектов и комплексов возникает необходимость выбрать наиболее эффективные варианты технических решений, обеспечивающие заданный уровень качества окружающей среды. Показателем экономической эффективности сравниваемых вариантов в этом случае служит минимум совокупных эксплуатационных расходов и капитальных вложений, приведенных в годовой размерности с учетом фактора времени.

В указанном случае при сравнении между собой краткосрочных или долгосрочных мероприятий с примерно равными значениями годовых эксплуатационных расходов и одинаковыми размерами капитальных вложений по годам расчетного периода из их числа выбирается вариант, отличающийся минимальной величиной приведенных к годовой размерности затрат, определяемых по формуле:

$$C + E_n \cdot K \rightarrow \min.$$

Значение E_n для капитальных вложений временно, до утверждения отраслевых методик, принимается в размере 0,12.

7.5. Показатель чистого экономического эффекта природоохранных мероприятий определяется в виде разности между приведенными с учетом фактора времени к одинаковой размерности экономическими результатами этих мероприятий и затратами на их осуществление. Например, общий эффект от сокращения (или предупреждения роста) затрат на дополнительную очистку загрязненных воды и воздуха, на снижение уровня шума или вибрационного, волнового, радиационного воздействия, нормативные показатели, принятые в технологических процессах или в условиях непроизводственного использования ресурсов, определяются (см. временную методику, с. 28) по годичному приросту чистой продукции в сфере материального производства или по сокращению текущих затрат в непроизводственной сфере под воздействием мероприятий по охране окружающей среды.

7.6. Хозрасчетный эффект от сокращения или предотвращения среднегодовых затрат на дополнительную очистку загрязненных природных ресурсов определяется по формуле:

$$\mathcal{E}_0 = (C_1 - C_2) \cdot O_1,$$

где:

C_1, C_2 — себестоимость очистки в расчете на единицу ресурсов до и после осуществления средозащитных мероприятий, приведенная к годовой размерности, O_1 — объем дополнительно очищаемого ресурса.

Если предотвращение загрязнения воды и воздуха, потребляемых на производственные нужды, хозяйственно-питьевые или жилищно-коммунальные цели, сопряжено с необходимостью ликвидации основных фондов, в расчетах экономической эффективности средозащитных мероприятий учитывается остаточная стоимость, которую оценивают как разность между восстановительной стоимостью и величиной начисленной амортизации за вычетом сумм реализации. К числу таких работ относятся исследования по созданию лекарств (алапанин, линимент госсипола 3%, мазь

Мегазин, батридин и др.), по созданию рекреационных зон, охране памятников природы и старины, некоторые археологические исследования и др.

8. Единой утвержденной методики по оценке исследований эффективности работ с социальным эффектом пока нет, но некоторые из них рекомендовано оценивать в тех случаях, когда социальный эффект может быть сведен к экономическому эффекту, а экономический эффект определен в соответствии с существующими методиками. Для примера укажем на оценку лекарств, в частности линимента госсипола 3%.

8.1. В настоящее время имеется много НИОКР с социальным эффектом.

Социальный результат определяется по разности показателей, характеризующих изменения в социальной сфере, возникающие вследствие осуществления средозащитных мероприятий.

Общий экономический эффект исследований от сокращения заболеваемости населения (с частичной или полной утратой трудоспособности) благодаря предотвращению или уменьшению загрязнения окружающей среды и проведению других средозащитных мероприятий определяется как сумма следующих результатов:

а) предотвращение потерь чистой продукции за время болезни трудящихся, занятых в сфере материального производства:

$$\mathcal{E}_4 = Ч \cdot Б \cdot (P_2 - P_1),$$

где:

Ч — средняя величина чистой продукции, приходящейся на один отработанный чел./день;

Б — количество трудящихся, перенесших заболевания либо отвлеченных от производства по уходу за больными с членами семей по причинам, вызванным загрязнением окружающей среды (в течение года);

P_1, P_2 — среднегодовое количество человеко-дней работы одного трудящегося до и после проведения средозащитного мероприятия;

б) сокращение суммы выплат из фондов социального страхования за период временной и постоянной нетрудоспособности рабочим и служащим, заболевшим по причинам, связанным с загрязнением среды:

$$\mathcal{E}_5 = B_n \cdot B_n (P_2 - P_1),$$

где:

B_n — количество людей получающих пособие вследствие заболеваний с временной и постоянной утратой трудоспособности из-за ухудшения состояния среды (в течение года);

B_n — средний размер пособия по временной нетрудоспособности, приходящегося на один день болезни;

в) сокращение затрат в сфере здравоохранения на лечение трудящихся от болезней, вызванных загрязнением среды:

$$\mathcal{E}_{зд} = (Z_a \cdot B_a \cdot D_a) + (Z_c \cdot B_c \cdot D_c),$$

где:

Z_a, Z_c — средние затраты в сфере здравоохранения, приходящиеся на один день лечения соответственно в амбулаторных условиях и в стационаре;

B_a, B_c — количество больных, лечившихся от заболеваний, связанных с загрязнением среды, в тех же условиях;

D_a, D_c — среднее количество дней болезни одного больного в тех же условиях.

Те работы, которые не поддаются определению эффективности с помощью методик, социальных и природоохранных мероприятий, предлагается определять по методике оценки фундаментальных исследований. В тех случаях, когда социальный эффект не может быть сведен к экономическому, оценка работ такого рода исследований дается по методике фундаментальных работ.

Методика определения долевого участия

Развитие козрасчетных отношений повышает ответственность каждого учреждения, ученого и специалиста в осуществлении комплексных разработок крупных научных проблем. Отсюда вытекает необходимость учета и строгого контроля за вкладом каждого исполнителя в этих разработках.

Большую актуальность приобретает совершенствование методов определения долевого участия в полученном социально-экономическом эффекте организаций-исполнителей при решении крупных научно-технических проблем, выполняемых в рамках одной комплексной программы.

Определение долевого участия после расчета фактического экономического эффекта — важнейший элемент козрасчетных взаимоотношений.

При определении эффективности комплексных программ полностью сохраняются принципы и методы оценки прикладных исследований, изложенных выше.

Задача заключается в том, чтобы возможно точнее определить участие каждого в затратах и создании конечного эффекта.

Долевое участие рассчитывается по принципу определения приведенных затрат каждого соисполнителя. В обобщенном виде это выражается по следующей формуле:

$$D_i = \frac{S_i + E_n \Phi_i}{S + E_n \Phi} \cdot 100.$$

где

D_i — долевое участие i -ой организации (%);

S_i — дифференцированные трудовые затраты i -ой организации, тыс. руб.;

S — сумма трудовых затрат по всей комплексной программе, тыс. руб.;

E_n — нормативный коэффициент экономической эффективности потребленных фондов;

Φ_i — потребленные основные фонды по i -ой организации, тыс. руб.;

Φ — общая сумма потребленных основных фондов при выполнении работ по комплексной программе, тыс. руб.

9.1. Для определения индивидуального участия учитываются затраченное рабочее время, квалификация, заработная плата с учетом научной категории.

При определении фактических затрат труда необходимо учитывать не только количественные аспекты труда, но и его качество, оцениваемое по признакам:

— своевременность выполнения заданий;

— соответствие каждого раздела работы предъявляемым требованиям ко всей комплексной программе и ее конечным результатам;

— новизна, сложность и значимость выполненной работы;

— социально-экономическая эффективность.

Учет качественных показателей может производиться в виде дополнительных коэффициентов от 1 до 2.

9.2. Учреждения, организации, соисполнители принимают разное участие в выполнении работ по затратам не только труда, но и приборов, оборудования, материалов, за которые они несут экономические издержки, осуществляют выплаты за фонды и другие расчеты. Поэтому формула расчета долевого участия должна включать полные затраты всех ресурсов, израсходованных на выполнение данного раздела работ по комплексной программе, по которой производятся взаиморасчеты.

Трудность определения долевого участия заключается в том, что не всегда имеются нормативы затрат по видам работ. В тех случаях, когда работы носят уникальный характер и по ним нет нормативов, размеры затрат каждого соисполнителя устанавливаются самим научным коллективом ориентировочно при разработке программы исследования.

При составлении комплексной программы должны учитываться разделы работ, сроки их выполнения, нормы затрат и, следовательно, долевое участие в конечном эффекте. Сумма затрат по всей работе согласовывается с заказчиком при составлении договора.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
КООПЕРАТИВНОЙ ТОРГОВЛИ

В материалах XXVII съезда КПСС поставлена задача: «Осуществить систему мер по дальнейшему повышению материального и культурного уровня жизни народов». В этих целях, в частности, необходимо «значительно улучшить удовлетворение потребностей населения в товарах и услугах с учетом прогрессивных изменений в структуре растущего платежеспособного спроса»¹. Удовлетворять платежеспособный спрос населения призвана прежде всего торговля.

Торговля, осуществляя экономические связи между отраслями народного хозяйства, районами и областями страны, обеспечивает вещественный обмен товаров и удовлетворение потребностей населения.

Сельское население призвано обслуживать кооперативная торговля. На ее долю приходится 11 052 тыс. сельских жителей Узбекистана, или 58,1% всего населения республики. При этом в 1986 г. 35,3% товарооборота в УзССР приходилось на долю сельской местности. Сельское население производит примерно 80% денежных расходов в торговле и свыше 90% фонда личного потребления поступает населению из торговли. Еще более возрастет роль кооперативной торговли в перспективе.

Многоотраслевой характер деятельности потребительской кооперации предопределяет большие возможности ее в вовлечении в оборот дополнительных товарных ресурсов за счет закупки их у населения. Однако развитие сельской торговли ограничено недостаточным выделением ресурсов ряда продовольственных и непродовольственных товаров. По этой причине жители многих сельских районов вынуждены ездить за нужными им товарами в города.

По расчетам ВНИИЭКТ, покупки сельских жителей СССР, осуществленные не через потребкооперацию, составляют ежегодно около 18 млрд. руб., или более 20% всех покупательских фондов сельского населения. Совокупные затраты на эти цели огромны — около 400 млн. человеко-дней в год.

Анализ показывает, что из общего времени, затрачиваемого населением на ведение домашнего хозяйства, на покупку продовольственных товаров на предприятиях потребительской кооперации приходится примерно 9,5%, а непродовольственных — 6,6%.

Имеется и ряд других недостатков, как нехватка оборудования и складских помещений, а также квалифицированных кадров. Следует шире применять торговлю товарами, расфасованными в фабрично-заводских условиях с указанием веса и цены.

Известно, что оформление покупок (стояние в очереди за товаром, в кассу и т. п.) отнимает довольно много времени. Метод самообслуживания в кооперативной торговле еще не нашел достаточного развития. Все это обуславливает необходимость использования передового опыта продажи товаров, накопленного как в социалистических, так и в капиталистических странах.

Нами, в частности, изучен и обобщен некоторый опыт торговли в ФРГ, в том числе — использования так называемой сканирующей аппаратуры, или «читающего пистолета»².

Одна из особенностей электронно-регистрационной кассы — возможность регистрировать товары возле кассы автоматически, «читающим пистолетом». Но для этого необходима прежде всего четкость данных, хорошо отработанная система кодирования товаров. С этой целью применяются различные системы знаков, из которых наиболее важен до сих пор применяемый код Европейской нумерации товаров (EAN). Данные о товарах изображены там четырьмя штриховыми полосами, которые читаются при помощи «читающего пистолета», установленного в электронной кассе: страна товара, название фирмы, номер артикула фирмы и контрольный шифр, определение товара, его аккумулятивная цена с соответствующим номером

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 279—280.

² Контрольно-кассовый прилавок, оснащенный лазерной сканирующей аппаратурой.

артикула. Когда код товара считывается прибором, кассовая система тут же автоматически отбивает продажную цену товара, которая аккумулируется в системе. Затем на кассовом чеке появляются номер артикула и цена.

С помощью электронной кассы и читающего прибора торговля получает следующие важные преимущества:

— изменение цены не проставляется больше на каждом изделии, можно просто изменить цену в кассовой системе;

— обеспечивается непосредственная связь прибора с центральным процессором;

— установка ценников товаров в магазинах оказывается излишней, так как код Европейской нумерации товаров (EAN) уже нанесен на товары поставщиками.

Ныне в ФРГ уже более 90% продовольственных и аптекарских товаров снабжаются поставщиками кодом EAN, а в будущем ожидается также установка кодов на товары домашнего обихода, игрушки и спорттовары.

Внедрение новой техники дает и другие преимущества торговле. Во-первых, — по ведению бухгалтерского учета и отчетности. Прежде эти операции по контракту выполняла сторонняя организация, и важнейшие отчеты поступали в магазин через три недели, теперь они готовы через трое суток. Руководство магазина имеет реальную возможность принимать оперативные меры по результатам отчетов.

Во-вторых, — обработка данных, поступающих от электронных кассовых аппаратов со сканерами, дает возможность для получения множества полезной информации, в том числе о производительности труда персонала по объему оборота, отнесенному к 1 человеко-часу, о числе обслуженных потребителей и т. п.

В-третьих, — по управлению прямыми поставками: до 4 тыс. наименований товара поступает в магазин непосредственно от промышленности.

В-четвертых, — это полезно для всевозможных прогностических расчетов.

Почти все товары при расчете сканируют, включая и широкий ассортимент тех скоропортящихся товаров, которые расфасовывают непосредственно в магазине, а также продают в неупакованном виде. Примерно 90% упакованных товаров поступают в магазин уже с машиночитаемыми штриховыми символами универсального товарного кода, напечатанными самими поставщиками, а остальные товары снабжают такими символами в самом магазине. Покупатели сами отбирают неупакованные овощи и фрукты. Здесь же в отделе работает продавец с электронными весами типа «масса — цена — стоимость», оснащенными этикеткопечатающим устройством. Он взвешивает товар, а если нужно, и упаковывает его. Этикетка со штриховым символом, выпечатанная аппаратом, прикрепляется к упаковке, и в дальнейшем в узле расчета этот товар сканируют обычным порядком.

В мясном отделе товар отбирают либо сами покупатели, либо продавцы по их просьбе. В обоих случаях покупку взвешивают, обертывают, этикетируют на полуавтоматической установке. Этикетку, содержащую штриховой символ, сканируют.

Все несканированные товары регистрируют в узле расчета по их кодовым номерам, так как цены хранятся в памяти системы. Это кулинарные и выпеченные изделия, целые арбузы и дыни, корма для животных в мешках массой до 30 кг и другие громоздкие и тяжелые товары.

Сканирование применяют и при приемке товаров. Данные сканирования поступают в персональный компьютер. На экране дисплея приемщик видит, совпадает ли состав привезенной партии с заказом. В случае несоответствия выпечатывается ведомость расхождений. Если все в порядке, никаких документов не составляют.

Большое внимание в магазине уделяют обеспечению совпадения цен, указанных в ценниках на полках и на прилавках-витринах, с теми, что хранятся в информационном массиве запоминающих устройств. При ассортименте в 21 тыс. позиций и постоянно меняющихся ценах это сложная операция. Однако она тоже автоматизирована. Сотрудник обходит выкладку и «считывает» цены, которые по радио передают во внутримагазинную ЭВМ. Если цена на ценнике правильная, это подтверждается обратным радиосигналом. Сплошная проверка ценников на выкладке повторяется каждые три недели.

В последнее время сканирование применяют и в торговых складах. Сканируемый аппарат с лазерной установкой может «считать» этикетки товаров со штриховыми символами универсального товарного кода на расстоянии до 1,5 м, так что он особенно приспособлен к применению в складских помещениях.

Электронная регистрационная касса с читающим прибором обходится ныне в 25—30 тыс. марок на каждое кассовое место. Пока доля торговых организаций, вкладывающих средства в эту технологию, относительно незначительна и число магазинов, в которых установлены электронные кассы с читающими приборами, в ФРГ сравнительно невелико. В 1977 г., когда США имели 209 электронных касс с «читающим пистолетом», в ФРГ не имелось еще ни одной, в 1980 г. — соответственно 2931 и 16, в 1985 г. — 11 500 и 512. Примерно 60% всех сканизаций в ФРГ приходится на следующих крупных торговых предпринимателей: группа «Реве» — 300, «Карштадт» — 65, группа «Шпар» — 58, «Хертне» — 44, «Метро» — 42, «Кауфхоф» — 34, «Карлсруе» — 65, «Шу» — 40.

Главная цель новой информационной и коммуникационной техники — оптимизация ценообразования и формирования ассортимента товаров.

Значительную проблему в розничной торговле, как известно, представляет недостача. Ежегодная недостача товаров у большинства предприятий ФРГ составляет 0,7—1,3% общего оборота. По сведениям предприятий, недостача товаров происходит в результате краж из магазинов, по вине кассира, из-за ошибок при занесении товаров в книги. Новая информационная и коммуникационная техника дает хорошую возможность устранить все эти причины.

Современные масштабы и перспективы развития потребкооперации диктуют постоянную необходимость использования различных достижений передового опыта. Наряду с этим следует улучшать оснащение торговых предприятий на селе и повышать квалификацию кадров.

Х. Хусанов

ИБН ХАЛДУН О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Выдающийся арабский мыслитель Ибн Халдун (1332—1408) изложил в своих трудах ряд замечательных идей об искусстве, которые вполне заслуживают специального рассмотрения. Материалистический по сути своей смысл идей Ибн Халдуна об искусстве музыки не может быть понят до конца вне его теории о внутренних закономерностях развития общества, вне сопоставления с другими музыкально-эстетическими течениями того времени. Известно, что идеи Ибн Халдуна вызвали живой интерес В. И. Ленина¹.

«Мукаддима» (Введение) — первый раздел фундаментального исторического труда Ибн Халдуна «Книга назидательных примеров и сборник начала и сообщений о днях арабов, персов и берберов, и тех, кто был современником их из обладателей высшей власти» (Китаб аль-ибар ва диван аль-мубтада ва-ль-хубр фи ай-йам аль-араб ва-ль-аджам ва-ль-барбар ва ман асирихим мин зави ас-султан аль-акбар). Он состоит из предисловия и шести частей. Пятая его часть, названная автором «О ремеслах, о средствах к жизни, о доходе и путях его приобретения», содержит небольшую главу «Об искусстве пения». Обращает на себя внимание прежде всего то, что проблемы музыкального искусства, рассматриваемые почти во всех средневековых трудах энциклопедического характера в составе математических дисциплин, разделены здесь на две области: вопросы истории и социальной сущности музыки как ремесла и вопросы теории музыки. Если первый круг вопросов, связанных с ремеслом музыканта, рассматривается наряду с земледелием, ткачеством, плотничьим делом в пятой части «Мукаддимы», то в следующей, шестой части, посвященной классификации наук, Ибн Халдун, согласно древней традиции, перечисляет «науку о музыке» в составе «квадриума наук», вслед за арифметикой, геометрией и астрономией. Однако там содержится лишь определение музыки как «науки о соотношениях звуков и тонов, об их пропорциях, выражаемых в числах, а плод ее — познание песенных мелодий»².

Предложенное мыслителем разделение ремесла музыканта и музыкальной науки было отнюдь не новым явлением в своде дисциплин того времени. Понятия ремесла и искусства (в том числе «искусства теории музыки»), как известно, в условиях античности и средневековья еще не были четко дифференцированы и передавались одним термином — «сина'а»³. Фараби, пожалуй, впервые проводя грань между ремеслом-искусством и искусством теоретическим, отмечал, что «практическое искусство музыки на много времени предшествует искусству теории музыки»⁴, т. е. наука как обобщение художественной практики и многолетнего опыта должна способствовать развитию практического искусства, точнее ремесла. По этому вопросу Ибн Халдун, оставаясь верным идее Фараби, в то же время исходит из совершенно иных критериев. Для него музыкальная практика — прежде всего материальное средство к жизни, а профессия музыканта — ремесло. Поэтому в общем предисловии к «Мукаддиме», говоря о распределении материалов в своем труде, он замечает: «Что же касается того, что средства к жизни рассматриваются прежде наук, то это потому, что средства к жизни — это нечто необходимое и естественное, а обучение науке — ненасущное или менее необходимое, а ведь естественное пред-

¹ См. об этом: В. И. Ленин и А. М. Горький: Письма, воспоминания, документы. М., 1958. С. 210, 412. Высоко оценивая идею Ибн Халдуна о роли экономических факторов в развитии общества, В. И. Ленин спрашивал: «Нет ли еще таких философов на Востоке?»

² Ибн Халдун. Мукаддима. Аль-Кахира, 1904. С. 290. (Здесь и далее переводы этого издания выполнены нами).

³ Об особенностях понятия «искусство» в рассматриваемый период см.: Назаров А. Ф. Об эволюции понятия «музыкальное искусство на средневековом Востоке» // Тезисы докладов IV искусствоведческой конференции молодых ученых. Ташкент, 1981. С. 33.

⁴ Аль-Фараби. Китаб аль-музыка аль-кабир. Аль-Кахира. б. г. С. 98.

шествует ненасущному. И я поставил ремесло вместе с доходами, потому что они связаны друг с другом в жизни общества»⁵. Сама постановка вопроса о социально-экономических предпосылках ремесла — искусства музыки определяет особое положение музыкально-эстетических взглядов Ибн Халдуна.

Глава «Об искусстве пения» из «Мукаддима» представляет собой краткое изложение воззрений Ибн Халдуна на музыкальное искусство, его роль и место в обществе. Вся проблематика здесь строго подчинена основным принципам теории автора о социальной жизни — «умран», из которых наиболее близки к рассматриваемой нами теме следующие: а) материальная жизнь людей является основной силой, создающей общество, определяющей все остальные стороны его жизни, в том числе идеологию и культуру; б) общество определяется не как политический коллектив (античная концепция) и не как религиозная община (теологическая концепция), а как коллектив, основанный на совместном труде, как трудовой коллектив⁶.

Эти исходные позиции естественным образом привели Ибн Халдуна к принципиально новым для того времени выводам по вопросу происхождения и социальной сущности искусства. Они сформулированы автором в виде лаконичного тезиса: «Знай, что в социальной жизни возникает это искусство (музыки) только тогда, когда то, что является жизненно необходимым, будучи в избытке, превышает затем степень необходимости и превращается в роскошь. Только тогда появится интерес к этому и возникает искусство»⁷.

Известно, что Ибн Халдун выделяет две фазы в развитии общества: низшая — сельская жизнь, фаза примитивного производства и низкого уровня жизни, и высшая — городская жизнь, фаза высокого развития производительных сил. Сельскую жизнь доисламской Аравии Ибн Халдун характеризует как земледельческое, скотоводческое хозяйство, определяемое наиболее простым способом добытия средств к жизни. Именно низким уровнем социально-экономических отношений обусловлен, согласно Ибн Халдуну, и низкий уровень музыкально-поэтической культуры древних арабов. Распространенные в фольклоре бедуинских племен песенные жанры «хиджа», «тараннум», «ат-тахлил», «ат-тагбир», элементарные песенные формы «хазадж», «насб», «рукбани» и другие, как пишет арабский философ, «не требуют особых усилий в их постижении, а исполнение их — специального обучения. Они самые простые из всего того, что создано искусством. В дни джахилийя и бедуинской жизни арабы не сумели подняться выше этих дел»⁸.

Главным условием возникновения профессионального искусства Ибн Халдун считает преобразование сельского общества в городское как результат определенного уровня развития производительных сил. «Когда избыточный продукт сельских жителей, — отмечает мыслитель, — выходит за пределы жизненно необходимого, они имеют больше еды, больше одежды и находят удовольствие в этом; благоустроят свои дома, основывают города для защиты. Затем увеличивается их достаток и появляются привычки изнеженности, кои внешне проявляются (...) во все большем использовании ремесел и искусств, усовершенствованных до высшей степени (...), таковы горожане. Одни из них добывают средства к существованию ремеслом, другие — торговлей...»⁹ В подтверждение этого положения Ибн Халдун приводит примеры из истории высокоразвитой городской культуры народов Средней Азии и Ирана: «В городах персидских правителей доисламского (периода) было множество свободных от добывания средств к жизни людей. Они были заинтересованы в представителях этого искусства (пения) и поощряли их деятельность: предоставляли им особое положение во дворце, разрешали им выступать свидетелями на судебных (процессах), участвовали они на маджлисах, где исполняли свои песни»¹⁰.

Культурная интеграция народов периода раннего халифата, активный духовный подъем арабов в результате приобщения их к культурным достижениям народов завоеванных стран также осмысливаются Ибн Халдуном в неразрывной связи с ростом материальных накоплений: «В новой жизни у них (арабов. — А. Н.) появилась склонность к роскоши, образованной от богатств разных народов; они становились в ней изнеженными, переходили к деликатным манерам и наслаждались досугом. Певцы, покидая Иран и Рум (Малая Азия. — А. Н.), начали прибывать в Хиджаз, где становились вольноотпущенниками арабов. Они вместе пели, играли на удах, танбурах и мизафах. Арабы же, услышав мелодии их песен, слагали на них свои стихи...»¹¹

Ибн Халдуну удалось вскрыть с материалистических позиций механизм функционирования искусства в средневековом обществе. «Поскольку это искусство (музыки), — писал он, — не поощряется никем иным, кроме тех, кто свободен от добы-

⁵ Ибн Халдун. Мукаддима. Цит. по: Бацнева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965. С. 127.

⁶ Более подробно об этом см.: Бацнева С. М. Указ. соч. С. 146—147.

⁷ Ибн Халдун. Мукаддима (1904). С. 233.

⁸ Там же. С. 234.

⁹ Цит. по: Бацнева С. М. Указ. соч. С. 162.

¹⁰ Ибн Халдун. Мукаддима (1904). С. 232.

¹¹ Там же. С. 234.

ваний всего жизненно необходимого — т. е. средств к жизни, жилья и т. п., — то оно и желанно тем, кто свободен и кто изощряется в интересах наслаждений»¹².

В условиях средневекового Востока, как и во всех докапиталистических формациях, развитие науки и искусства поддерживалось материально главным образом властью имущими. Дворцы правителей, салоны крупных помещиков, богатых торговцев были средоточием ученых, поэтов, музыкантов. Содержание регулярного штата музыкантов, профессиональных певцов и певиц требовало от меценатов определенного материального достатка, превышающего, говоря словами Ибн Халдуна, «пределы жизненно необходимого».

Реалистичен Ибн Халдун и тогда, когда он считает искусство предметом, «желанным для свободных» от материального производства людей. Выше уже приводились его высказывания о том, что жанры арабского музыкального фольклора не требуют особых усилий при их восприятии. Однако жанры профессиональной музыки устной традиции, возникшие в условиях городской культуры, воспринимались в разных слоях общества по-разному; из многих факторов, обуславливающих высокую активность восприятия музыки, наиболее важные — общий уровень духовной культуры слушателя, известный опыт восприятия, умение понимать сложный поэтический и эмоциональный смысл исполняемых произведений. Все эти факторы укладываются в круг средневековых знаний «адаба» и являются показателем феодально-аристократического воспитания.

Решение вопроса о социальных предпосылках возникновения искусства привело Ибн Халдуна к следующему принципиально важному заключению о функционировании искусства в обществе. «И это искусство (музыка), — пишет мыслитель, — самое позднее из ремесел, создаваемое в социальной жизни, поскольку его назначение — заполнение досуга и веселье. Оно также самое первое, что отрывается от социальной жизни в период ее упадка и разложения»¹³. В этом утверждении Ибн Халдун далек от мысли утилитаризации функции искусства или же умаления его роли как фактора духовного самовыражения. Здесь он заострил свое внимание на вопросе соотношения материального базиса и идеологии: поскольку идеология и культура являются, по его мнению, второстепенными по отношению к материальной основе и возникают в результате роста производительных сил, то в периоды социально-экономических кризисов они первыми «отрываются» от жизни данного общества и перемещаются в другие, более развитые общества. «Так цивилизация государства предшествующего передается последующему; цивилизация персов перешла к арабам — Омейядам и Аббасидам, а цивилизация Омейядов в Андалусии — царям Магриба, цивилизация Аббасидов — к дейламитах, потом к туркам-сельджукам, потом к туркам-аюбитах, затем татарам в Ираке Арабском и Ираке Персидском»¹⁴.

Отсюда Ибн Халдун делает важный вывод о том, что развитие культуры и искусства в контексте общего социального развития общества имеет необратимый процессуальный характер. Так, по Ибн Халдуну, музыкальные культуры народов Средней Азии и Ирана, переходя на арабо-исламскую почву, приобрели качественно новое содержание, арабо-испанская школа музыки, основанная Зирябом, в странах Северной Африки (Магриб) обогащалась элементами локальных традиций¹⁵.

Примечательной особенностью социологической мысли Ибн Халдуна является то, что непродуманная деятельность людей, пристрастие к произведениям искусств, художественных ремесел, неумеренное их потребление расцениваются им как факторы, тормозящие экономическое развитие общества, приводящие его к упадку и моральному разложению. Идея эта, затрагиваемая здесь в общих чертах, излагается им более подробно в главе, названной автором «О том, когда укореняется царская власть, а именно когда один человек достигает единовластия, распространяется роскошь и начинается спокойная жизнь, — государство клонится к упадку»¹⁶. В понятие «роскошь» Ибн Халдун вкладывает очень широкий смысл: это все виды произведений искусств и художественных ремесел, драгоценности, памятники архитектуры, в общем все это, что относится к атрибутам городской культуры.

Один из видов городской «роскоши» — музыкальное искусство для своего поддержания требовало значительных материальных затрат. Например, состояние известного певца Ибрахима аль-Маусили (ум. 804) оценивалось более чем в 24 млн. дирхемов¹⁷. Только обучение невольницы пению обходилось ее владельцу в 3—4 тыс. дирхемов. Занимавшихся ремеслом музыканта в городах средневекового Востока было огромное множество. Часто проводились переписи городских музыкантов и певиц¹⁸. Следует заметить, что, говоря о «вреде роскоши», Ибн Халдун имеет в виду, во-первых, большие материальные затраты на поощрение искусства, которые, как правило, не шли на материальное воспроизводство. Во-вторых, феодальная город-

¹² Там же. С. 233.

¹³ Там же. С. 234.

¹⁴ Цит. по: Бациева С. М. Указ. соч. С. 196.

¹⁵ См.: Ибн Халдун. Мукаддима (1904). С. 233.

¹⁶ См.: Бациева С. М. Указ. соч. С. 194—195.

¹⁷ Аль-Исфাহани, Абу-ль-Фарадж. Книга песен. М., 1980. С. 380—381.

¹⁸ Мец, Адам. Мусульманский Ренессанс. М., 1973. С. 329.

ская верхушка — вчерашний суровый и трудолюбивый житель села — в новых условиях, освобождаясь от материального производства, предавалась «роскоши и удовольствиям», что является, согласно Ибн Халдуну, одной из основных причин кризиса общества. Не будет преувеличением сказать, что именно здесь, при решении вопроса о социальном назначении искусства, Ибн Халдун очень близок к осознанию классовой сущности искусства.

В своем монографическом труде, посвященном экономике средневекового города Ближнего Востока, О. Г. Большаков отмечает, что «главной причиной длительной стагнации экономики Ближнего Востока было непродуманное использование прибавочного продукта, который потреблялся господствующим классом или омертвлялся тезаврацией, а не шел на развитие производства»¹⁹. Этот вывод советского востоковеда может послужить косвенным подтверждением идей Ибн Халдуна о негативной стороне функционирования искусства в средневековом обществе. Вместе с тем он отчетливо осознавал большую общественную значимость искусства и высоко оценивал художественно-эстетическую деятельность людей. Вдохновенным гимном в честь человеческого разума и его способностей звучат его высказывания: «Человек отделился от остальных животных благодаря особенностям, присущим только ему. Среди них науки и ремесла; они следствие мысли, которая выделила человека из среды животных и возвысила его над всеми тварями»²⁰.

Все это свидетельствует о том, что материалистическим по сути идеям Ибн Халдуна об искусстве принадлежит особое место в истории эстетической мысли народов Востока.

А. Ф. Назаров

¹⁹ Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. С. 299.

²⁰ Цит. по: Бацнева С. М. Указ. соч. С. 203.

О ТРУДЕ АБУ МАНСУРА АС-СА'АЛИБИ «АТ-ТАМСИЛ ВА-Л-МУХАДАРА»

Период IX—XI вв. в Средней Азии характеризуется расцветом средневековой научной мысли и культуры. Именно тогда жили и творили такие великие ученые, как Ибн Сина (980—1037), Беруни (973—1048), Абу Бакр ал-Хорезми (935—993) и др.

Один из выдающихся представителей своего времени Абу Мансур Абдалмалик ас-Са'алиби (961—1038), будучи уроженцем Нишапура, побывал во многих городах Хорасана, Хорезма, Мавераннахра, Аравийского полуострова, Ирана, Испании. Эти многочисленные путешествия стали для ученого источником обширных познаний.

Блестящий ум и высокая образованность ас-Са'алиби позволили ему жить и работать при дворах таких феодальных владык, как эмир Нишапура Абу-Фадл ал-Микали (ум. 1044), хорезмокий шах Абу-л-Аббас Ма'мун (1009—1019), зияридский эмир Кабус ибн Вушмгир (978—1012) и др. Им он посвятил ряд своих произведений. Те, в свою очередь, предоставляли ас-Са'алиби редкую возможность пользоваться уникальными книгами из своих библиотек.

Находясь при дворах эмиров, ас-Са'алиби мог встречаться с другими учеными и поэтами того времени, как Абу-л-Фатх Бусти (971—1009), Абу Наср ал-Джавхари (ум. 1008), Абу-л-Хусайн ал-Харири, Абу Наср ал-Утби (961—1036) и другими, что, несомненно, приносило большую пользу поэту.

Не исключено, что он был лично знаком с Беруни и Ибн Сяной. Авторитет ас-Са'алиби среди ученых и литераторов был очень велик. Упоминание о нем мы находим у Абу Исхака Ибрахима ибн Али ал-Хаори (ум. 1062), Абу-л-Бараката Абдаррахмана ибн Мухаммад ал-Анбари (ум. 1363), Ибн Касира (ум. 1344) и многих других.

Один из учеников ас-Са'алиби Абу-л-Хасан ал-Бахарзи (уб. 1074) писал о нем: «Джахиз Нишапура, сливки всех времен и народов, нет никого подобного ему, нельзя отрицать его достоинства так же, как нельзя отрицать дождевые тучи, которые все восхваляют, и скрыть солнце, которое никогда не исчезнет»¹.

До нас дошли 89 сочинений ас-Са'алиби, которые хранятся в различных библиотеках мира. Перечисление и краткий анализ их мы находим в книге И. Абдуллаева «Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасане X—начала XI в.»

Сведения об ас-Са'алиби можно найти и в трудах современных арабских ученых: Ханна ал-Фахури², Умара Рида Каххалы³ и др. Различные аспекты творчества ас-Са'алиби изучали многие выдающиеся советские и зарубежные востоковеды,

¹ Захр ал-'адаб, с. 1035.

² Ханна ал-Фахури. История арабской литературы. Т. 2. М., 1961. С. 208.

³ Умар Рида Каххала. Му'джем ал-муаллифин. Т. 6. Дамаск, 1961. С. 189—190 (на араб. яз.).

как И. Ю. Крачковский (1883—1951), А. Е. Крымский (1871—1941), В. В. Бартольд (1869—1930), К. Броккельман (1868—1956), Х. А. Гибб (р. 1895) и др.

Но наиболее полное представление о жизни и творчестве ас-Са'алиби дает И. Абдуллаев. Им досконально изучены и разработаны такие труды, как «Иятимат ад-дахр» («Жемчужина века»), «Китаб латаиф ал-ма'ариф» («Книга остроумных сообщений») и др.

Однако до сих пор остается относительно малоизученной антология ас-Са'алиби «Китаб ал-мухадара ва-т-тамсил» («Книга остроумных сообщений и притч»), которая по праву считается одним из лучших произведений ас-Са'алиби.

Известно, что она посвящена зияридскому эмиру Кабусу ибн Вушмгиру. Можно предположить, что она была написана до 1012 г. В Каире эта книга издана в 1961 г. под названием «Ат-Тамсил ва-л-мухадара» с предисловием и комментариями известного египетского ученого Абдалфаттаха Мухаммада ал-Хулува. Он указывает, что при исследовании данного сочинения им использованы рукописи, хранящиеся в Египте. Две из них находятся в «Дар ал-кутуб», а одна (с миниатюрами) из библиотеки шейха Ислама Файзуллы хранится в Институте рукописей при Лиге арабских стран.

Рукописи данного сочинения имеются и в Советском Союзе. Одна из них, переписанная в 1010/1601 г., находится в Ленинградском отделении ИВ АН СССР⁴. Еще одна, переписанная в 1140/1727 г., хранится в ИВ АН УзССР⁵. Она выполнена четким турецким насхом на европейской фабричной бумаге с водяными знаками.

«Ат-Тамсил ва-л-мухадара» представляет собой сборник пословиц, поговорок, афоризмов и т. п. и является дополнением к ранее составленному автором сборнику афоризмов и анекдотов под названием «Китаб ал-мубхадж» («Книга увеселения»).

«Ат-Тамсил ва-л-мухадара» состоит из 4 разделов:

1 раздел: Предисловие и образцы высказываний.

2 раздел: Высказывания людей, занимающих разное положение в обществе, представителей различных профессий и классов о науке и искусстве. Эти высказывания настолько распространились среди людей, что превратились в «крылатые выражения».

3 раздел: Пословицы и поговорки о самых разнообразных предметах.

4 раздел: О различных видах искусства, их цели и назначении.

Этот раздел, в свою очередь, состоит из 4 глав:

1 глава: О положении человека и его различных манерах.

2 глава: О заслугах и достоинствах характеров, о различных похвальных качествах.

3 глава: О плохих качествах и дурных характерах.

4 глава: О разнообразных искусствах.

Первый и второй разделы сочинения отличаются религиозным содержанием. Наиболее интересен для нас 3-й раздел книги, куда входят поговорки, пословицы и афористические высказывания о луне и солнце, небе и звездах, времени и веке, дне и ночи, мире и земле и т. д.

Раздел строится следующим образом: приводится название определенного предмета, а за ним следуют пословицы и поговорки, высказывания великих ученых, поэтов и все, что когда-либо говорилось об этом предмете, начиная со времен джахилии и кончая аббасидской эпохой, в которую жил и творил ас-Са'алиби. Надо отметить, что этот порядок построения пословиц, поговорок и афоризмов гораздо более удобен, чем простое перечисление их по алфавиту, ибо всегда можно быстро и легко найти пословицы по интересующему тебя вопросу. Например:

О солнце:

Нет нужды в светильнике, когда светит солнце⁶.

При солнце ты забудешь то, что произошло при луне (ср. с рус. «Утро вечера мудренее»). И солнце может затмиться (ср. с рус. «И на солнце есть пятна»).

Высказывание ал-Бухтури (821—897):

Чем дальше от нас солнце, тем ярче свет его лучей (ср. с рус. «Далекое солнце ярче светит», узб.— «Узокдаги куёш ёруг») (с. 288).

Высказывание Абу Таммама (796—843):

Разве нет у тебя прекрасного солнца, что ты бросаешь взгляды на луну? (употребляется в смысле: «От добра добра не ищут») (с. 230).

О луне:

Высказывание ал-Бухтури:

Луна освещает землю: и Восток, и Запад, а ее обратная сторона — темная (с. 232).

⁴ Каталог арабских рукописей Института народов Азии. Вып. I: Художественная проза. М., 1960. № 29.

⁵ Собрание восточных рукописей АН УзССР. Т. II. Ташкент, 1954. С. 395—396. № 1778. О других рукописях этого произведения см.: Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur. В. I. Weimar—Berlin, 1898. S. 286, и его же статью в «Энциклопедии ислама». Т. IV. С. 792.

⁶ Ат-Тамсил ва-л-мухадара. Каир, 1961. С. 227.

Путешествие приятно, если светит месяц (с. 231).

Полную луну застанешь в темноте (с. 231).

О звездах:

Высказывание ал-Бухтури:

Самая лучшая из звезд та, которая светит в густом мраке (с. 234).

Его же:

Не смотри на то, что Аббас еще маленький. Думай о славе, которая растет.

Воистину звезды, хоть и кажутся маленькими издали, ярко светят ночью (с. 234).

Примечательно, что ас-Са'алиби включает в перечисление пословиц, поговорок и афоризмов, связанных с указанием предметов, и те, в которых данный предмет играет обычную роль сравнения.

Например:

О небе, тучах, дожде, громе и молнии:

Сюда входит высказывание Абу Бакра Хорезми:

Тайное становится явным, как дождь, который обязательно пойдет, если над землей сгустились тучи (с. 237).

Или: Некто молния без дождя и дерево без плодов (говорят о человеке, который не сдерживает своих обещаний).

Спасаясь от потопа, пришел в место, где нет воды (с. 237) (ср. рус. «Из огня да в полымя»).

О ветре:

Если ты был ветром, то встретил ураган (т. е. встретил человека, который сильнее тебя) (с. 240).

Тот, кто живет с ветром, должен быть терпелив (с. 241).

Не дуют ветры так, как хотят корабли (с. 241).

О дне и ночи:

Ночь коротка для спящего (с. 242).

День счастья короток (с. 244).

Высказывания Абу Таммама:

Не откладывай дела на потом.

Может, завтра тебя уже не будет (с. 245).

(ср. с узб. «Бугунги ишни эртага куйма»).

О времени:

Время красноречивее всех литераторов (с. 246).

Это — время, его лечение в терпении (с. 246).

О мире:

Кто всего добывается в мире, умирает, забытый им.

Кто ничего не получает, умирает, оплакиваемый им (с. 249).

Мир отворачивается от того, кто тянется к нему, и тянется к тому, кто отворачивается от него (с. 250).

Как видно из приведенных примеров, большинство высказываний не утратило своей актуальности и сейчас.

Заслуга ас-Са'алиби заключается в том, что он собрал воедино все эти пословицы и поговорки, высказывания и афоризмы, по возможности указывая место и автора их создания, сохранив тем самым для нас культурное наследие прошлого и предоставив возможность проследить историю развития народной мысли.

Конечно, книга «Ат-Тамсил ва-л-мухадара» — не единственная в своем роде.

До Мансура ас-Са'алиби попытки создать сборники пословиц и поговорок предпринимал ряд арабских ученых и литераторов, как: Ибрахим ибн Мухаммад ибн Нафтави (ум. 936) — создатель «Книги пословиц, поговорок и коранических изречений», Ибрахим ибн Суфьян аз-Зияди (ум. 864) — создатель книги пословиц, Абу-л-Аббас Ахмад ибн Иахья Са'лаб (ум. 905) и многие другие.

Но ас-Са'алиби удалось создать один из наиболее полных и совершенных сборников подобного рода.

Книга «Ат-Тамсил ва-л-мухадара» имеет огромное историческое, этнографическое и литературное значение. Опыт прошлого учит: нельзя изучать историю народа, игнорируя его классическое наследие. Всем известна огромная роль пословиц и поговорок в жизни народа; в сжатой, лаконичной форме они отражают социально-экономические и бытовые отношения, исторические события, идеологию и др. «Бывают, — говорил В. И. Ленин, — такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений»⁷.

Все сказанное свидетельствует о том, что произведение ас-Са'алиби «Ат-Тамсил ва-л-мухадара» требует глубокого и всестороннего изучения и перевода как книга, которая вызовет безусловный интерес не только специалистов — востоковедов, историков, этнографов и др., но и у широкого круга читателей.

М. М. Абдуразакова

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 136.

ЛИТОЛОГО-ФАЦИАЛЬНЫЕ И ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СЕЛЬ-УНГУР

Развитие науки в современную эпоху и быстрое всестороннее использование ее достижений в практике народного хозяйства ставят вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требуют, «чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику. Жизнеспособны лишь те научные направления, которые идут от практики и возвращаются к ней, обогащенные глубокими обобщениями и дельными рекомендациями»¹.

Изучение развития общества — наиболее сложная задача; непросто понять законы, движущие силы перехода от «предыстории» к действительной истории человечества на том отрезке пути, на котором совершается переход от эволюционно-исторических к общественно-историческим закономерностям развития. Археологическая наука, изучающая эпоху палеолита, остатки следов, оставленных на пути становления и развития человеческого интеллекта, его материальной культуры, использует результаты исследования как общественных, так и естественных наук с целью познания процессов взаимодействия в системе «человек — природа» на самых ранних этапах становления человечества.

При изучении палеолита Средней Азии применяется конструктивно-системный метод, который под «системами» подразумевает множество элементов и совокупность отношений между ними и связан с понятием системы в виде комплекса. Конструктивная методика реализуется комплексно, на междисциплинарной основе, включающей современные достижения ряда естественных наук.

Одним из коренных условий, обеспечивающих ускорение прогресса научных исследований, в наше время выступает разработка теории и средств методологии. Современные потребности развития методологии порождаются прежде всего усложнением научного знания, его быстрой дифференциацией и обнаруживающимся на этом фоне определенным отставанием процессов синтеза и интеграции знаний, требующих специальных и целенаправленных исследований, в частности палеолита Средней Азии.

Так, на первых этапах изучения древнепалеолитической многослойной пещерной стоянки Сель-Унгур² интерес исследователей был сосредоточен главным образом на изучении культурных отложений пещеры, которая поражала своими размерами, разнообразием палеонтологического материала, уникальной коллекцией каменного инвентаря и самым выдающимся открытием здесь — останками архантропа в культурных горизонтах³. Сейчас на этом уникальном памятнике, дающем значительный материал по истории зарождения человеческих культур в Ферганской долине и Средней Азии в целом, изучается весь комплекс историко-геологических и антропогенных процессов. Вместе с сотрудниками отдела первобытной археологии Института археологии АН УзССР в этой работе принимают участие сотрудники Института географии АН СССР, Института ботаники АН УзССР, геологического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина и др.

В результате геологических исследований, проводившихся в районе пещеры Сель-Унгур, установлено, что склон, сложенный палеозойскими осадочными породами, обнажившимися в результате тектонических движений положительного знака в неоген-четвертичном периоде, секутся разнообразными и многочисленными трещинами. Происхождение этих трещин различное. В данном случае исследовались наиболее характерные из них, имеющие самое непосредственное влияние на генезис пещеры, на формирование культурных и стерильных отложений. В породах, слагающих горный массив, широко развиты трещины расслаивания, надвиги по плоскостям напластования, где в наземной части четко выделяются три слагающих пласта с секущими трещинами с падением в 30—35°.

Наряду с трещинами, представляющими раздел между слоями, особенно важное значение имеют тектонические трещины, которые связаны с горообразовательным процессом непрерывно-прерывистого действия. Они узкие, в пределах 1—5 мм; в поверхностной части, где горные породы подвергаются воздействию различных агентов, трещины значительно расширены и увеличены. Кроме того, в зоне пещеры Сель-Унгур существуют карстовые пустоты, гроты, переплетения скрытых трещин. В большинстве они секутся системой взаимно параллельных трещин и являются основными путями, по которым атмосферные осадки просачиваются в глубину и производят свою растворяющую работу. Эти системы чаще всего пересекаются под

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 85.

² Исламов У. И., Оманжолов Т. Пещерная стоянка Сель-Унгур — древнепалеолитический памятник в Ферганской долине // ИИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 18.

³ Исламов У. И. Пещерная древнепалеолитическая стоянка Сель-Унгур // Природа. М., 1984. № 3. С. 61.

прямым углом или близким к нему. Благодаря наличию многочисленных пересекающихся трещин обнаженная поверхность твердых горных пород в сводовой части пещеры оказывается разбитой на отдельные более или менее правильные глыбы.

Описанные трещины с выявлением форм глыб имеют важное значение для определения периодов обживания пещеры, так как культурные горизонты перекрываются обломочным материалом, и, определив форму глыб, можно установить синхронность обвалов. Результаты этих исследований служат коррелирующими данными для определения периодов обживания и опустения пещеры. Археологические, сейсмо- и геотектонические исследования, данные которых могут взаимодополнять и контролировать друг друга, дают необходимую информацию по истории геологического развития и истории обживания Ферганской долины на самых ранних этапах становления человечества.

В результате археологических и литолого-фациальных исследований пещерной стоянки установлены следующие типы отложений: антропогенные — каменные орудия; пещерно-глинистые отложения — песчаные, хрящево-щебневые, обвальные, хемогенные — сталактиты, сталагмиты, травертины, известково-мергелистые брекчии, жеоды, конкреции; пещерно-органогенные — палеоботанические, гуано, мумие, палеонтологические остатки.

Пещерно-глинистые отложения мощностью от 0,6 до 1,5 м состоят из глинистых частиц, оставшихся от растворения известняков, и имеют соответствующую окраску, от светло-серой до черной. Порода тонкослойчатая, пласты отличаются по цвету, содержанию включений и известковистого вещества. Глинистые и песчано-щебневые породы ближе к бортам пещеры обогащены карбонатом кальция до 60—70%, у выхода и в центральной части пещеры содержание его уменьшается до 10—15%. В центральной части и у выхода из пещеры породы отличаются повышенным содержанием легкорастворимых солей, проникающих в горизонты вместе с фильтрационными водами.

По данным исследования можно заключить, что в плейстоцене и раннем голоцене в центральной части пещеры образовался седиментационный бассейн, в связи с которым сформировалась осадочная толща. Геохимические анализы позволяют наметить контур этого бассейна, распределение и формирование осадков и контур места обживания архантропами.

В пещере широко развиты обвальное-гравитационные отложения, они занимают значительную площадь. Обвалившаяся порода представляет собой смесь обломков размером от мелкоземистых частиц до крупных глыб, размеры которых достигают 4,5—5 м. Пол пещеры у входа повсеместно покрыт обвалившимися обломками (0,3—0,5 м) и нагромождением глыб (1,5—2 м). При раскопках археологический материал и культурные горизонты перекрываются обвальными отложениями, что указывает на цикличность, которую можно сопоставлять и коррелировать при определении датировок с циклами сейсмо-тектонической активности в антропогенное время.

Пещерно-хемогенные отложения разнообразны по форме, представлены травертинами, натечными образованиями, сталактитами разнообразных морфологических типов, покрывающими потолок, стены и пол пещеры. Скопление травертин образует каскады, в которых находятся костные останки животных.

Пещерно-органогенные отложения представлены гуано птиц и летучих мышей, костными останками разнообразных животных, а также мумие. Интерес к мумие в данной ситуации не случаен, так как в результате выделения органогенного вещества мумие покрывает своды пещеры и в наиболее влажные периоды смыывается с них и пропитывает рыхлые остаточные отложения, образуя гумат (черно-коричневое и черное органогенное вещество).

Данный материал необходим для иллюстрации общего понимания генезиса пещеры, истории накопления осадков, в которых отложились культурные горизонты, а также характеризует ту физико-географическую обстановку, природную среду, в которой происходило развитие древнейших человеческих культур.

Общезвестно, что на процессы формирования осадков в комплексе с другими условиями влияет климат — важнейший фактор географической среды, оказывающий глубокое воздействие на все экзогенные процессы и условия существования органического мира. Все гидрохимические, минералогические, литолого-фациальные признаки осадочных пород, а также морфологические особенности говорят нам о климате, в условиях которого происходила эволюция палеолитических культур.

Климатические условия Ферганской депрессии и Приташкентского района отличаются наибольшей выдержанностью по площади. Так, в Ферганской межгорной впадине устанавливаются относительно одинаковые климатические условия для разных частей площади. Здесь климат менялся главным образом во времени, но эти общие изменения конкретизируются особым образом. В горном и частично предгорном районах палеоклимат холодный и влажный, в равнинной — жаркий и относительно сухой. В возрастном (ритмостратиграфическом) плане палеоклимат был в нижнечетвертичное и среднечетвертичное время жарким, с периодами умеренного и холодного, с относительно резкими колебаниями влажных и засушливых периодов. В конце среднечетвертичного и верхнечетвертичного периода климат становится все более жарким, с относительно редкими периодами похолодания и увлажнения,

а современный голоценовый период характеризуется резкими контрастами — климат то очень сухой и жаркий, то холодный и влажный.

В разрезах равнинной части Ферганской депрессии устанавливаются регионально выдержанные климатические микроритмы: в нижнечетвертичное время — 5 микроритмов; в среднечетвертичное время в предгорьях — 4 микроритма, на равнинах — 6; в верхнечетвертичное время в предгорьях — до 3, на равнине — до 5 микроритмов. Климатические, а также тектонические микроритмы как один из наиболее выраженных факторов положены нами в основу ритмостратиграфического расчленения четвертичных формаций Ферганской и Приташкентской депрессий.

Фашиально-палеогеографические исследования сопровождаются детальным изучением оротектонических условий района. Учитывается не только общая картина современного оротектонического расчленения, но и смена оротектонических условий в прежние геологические периоды. За неогеновый и особенно четвертичный периоды горное обрамление Ферганской депрессии испытывало и испытывает ныне интенсивные прерывистые поднятия. Центральная часть депрессии длительные время испытывала непрерывно-прерывистые опускания, а начиная с верхнечетвертичного и особенно голоценового времени, стала вовлекаться, наряду с горными и предгорными обрамлениями, в поднятие⁴. В связи с этим отложения четвертичного возраста характеризуются в горных областях наличием явных и скрытых несогласий, большой скоростью накопления осадков, заметной изменчивостью их мощности, согласованной с расположением антиклинальных и синклинальных структур, что говорит об унаследованном конседиментационном развитии последних.

В составе четвертичной формации господствуют терригенные осадки, в частности перемежаются конгломерат, гравелит, песчаник и алевроит, нередко имеющие смешанный состав. Глинистые минералы обычно рассеяны по породам и также имеют смешанный состав; преобладают гидрослюдистые ассоциации. В нижнечетвертичных отложениях отмечается относительно высокое содержание глин монтмориллонитового типа, а в среднечетвертичных отложениях — каолинового. Верхнечетвертичные и современные отложения характеризуются главным образом хлорид-гидрослюдистыми ассоциациями с включением небольшого количества минералов, типичных для засушливых жарких условий, в первую очередь карбонатов, гипса, хлоридов, галлуазита, палыгорскита.

При комплексных археологических и фашиально-палеогеографических исследованиях палеолитических культур на всех этапах работы приходится совместно решать две главные задачи. Одна из них — фашиально-палеогеографический анализ, изучение стратиграфии залегания культурных слоев. Вторая — археолого-исторический синтез, выражающийся в комплексных системах. Для сопоставления комплексного археологического исследования и фашиально-палеогеографического анализа необходимо разработать более точную и детальную стратиграфию. Данные исследования опираются на определенные принципиальные положения о стратиграфических горизонтах, которые под воздействием литолого-тектонических и климатических условий Средней Азии обуславливают возрастное скольжение⁵.

Пещерная многослойная древнепалеолитическая стоянка Сель-Унгур представляет собой уникальное явление природы, в отличие от открытых многослойных палеолитических стоянок. В полости пещеры накопившиеся осадки и заключенные в них культурные отложения, а также палеонтологический и палеоботанический материал в меньшей мере подвергаются экзогенным и эндогенным воздействиям и несут массу первичной информации по истории заселения данного региона, о его природных условиях, генезисе окружающей среды в совокупности с развитием материальной культуры в плейстоцене.

Проведенные исследования представляют нам как первоначальная стадия комплексного подхода к системному изучению антропогенеза и использования конструктивных возможностей системного подхода для выбора наиболее оптимального варианта решения проблем антропогенеза. Разрабатываемая методика изучения условий обитания и реконструкции палеоэкологических условий в плейстоцене может быть использована в других сходных по условиям регионах страны. При дальнейшей разработке аналитических моделей циклоседиментогенеза данные исследования позволяют производить хронологические заключения об отдельных ритмах циклоседиментогенеза. по разработанной шкале археологических датировок. Результаты комплексных исследований могут быть использованы и в практике народного хозяйства по охране и рациональному использованию природных ресурсов, а также в инженерно-геологических и гидрогеологических исследованиях⁶.

У. И. Исламов, К. А. Крахмаль, М. Х. Годин

⁴ Тетюхин Г. Ф. Палеогеоморфология территории Узбекистана в четвертичный период. Ташкент, 1978. С. 23.

⁵ Ниязов Р. А. Формирование крупных оползней Средней Азии. Ташкент, 1982. С. 17.

⁶ См., напр.: Попов В. И., Шпора Л. Д., Годин М. Х. О постановке поисков пресных восходящих вод в рифтовом поясе Наливкина//Узбекский геологический журнал. 1975. № 6. С. 23—25.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Советская юридическая наука уделяет большое внимание развитию направления исследований, получившего название «сравнительное правоведение». И хотя споры о статусе этого направления в системе наук о праве, о круге относящихся к его ведению проблем продолжают, общепризнано, что сравнительное правоведение существенно важно для дальнейшего развития советской юридической науки¹.

Активизацию этого научного направления стимулировали как объективные факторы социального порядка, так и интенсивное развитие конкретных сравнительно-правовых исследований. Объективными факторами, обуславливающими необходимость развития советского сравнительного правоведения, являются: разнообразие конкретных форм социалистического типа права и дальнейшее развитие правовых взаимосвязей социалистических стран, в том числе в рамках СЭВ; сосуществование и противоборство двух противоположных общественно-политических систем: социализма и капитализма — и соответственно двух контрастирующих исторических типов права; острая значимость вопроса о праве в идеологической борьбе современности; распад колониальной системы империализма и появление на правовой карте мира новых правовых систем развивающихся стран; расширение международных, экономических, культурных, научных и иных связей между государствами.

В советской юридической литературе имеются ряд содержательных работ, посвященных методологическим аспектам сравнительного правоведения, а также работы по конкретным правовым проблемам, в которых широко используется сравнительный метод. По преимуществу это монографии, учебные курсы, статьи в рамках отдельных отраслей права. Как правило, они выдержаны в плане «сравнительного законодательства»².

Все это, во-первых, потребовало методологических разработок, выявляющих особенности и возможности применения сравнительно-правового метода; во-вторых, позволило обратиться к изучению таких вопросов, которые ранее не охватывались проблематикой правоведения; в-третьих, помогло взглянуть под острым углом зрения на ряд традиционных проблем юридической науки.

Для юридической науки, обращенной прежде всего к национальному праву, применение сравнительного метода особенно важно, ибо оно помогает решению конкретных практических проблем совершенствования национального законодательства.

Однако стимулирующая роль конкретных сравнительно-правовых исследований в развитии сравнительного правоведения вовсе не означает, что его объект ограничен теми вопросами, которые могут анализироваться с помощью сравнительного метода. Сравнительный подход к праву — значительно более широкое понятие, чем применение только сравнительного метода, а разграничение направлений исследования в рамках единой науки «должно идти не только по линии расчленения объектов исследования, но и по аспектам и уровням исследования в случаях совпадения их объектов»³.

В развитии сравнительного правоведения в СССР можно выделить два этапа, которые во многом соответствуют общим этапам развития советской юридической науки, но характеризуются и собственными, специфическими чертами.

1. Вопреки утверждениям некоторых западных авторов⁴, будто советская юридическая наука лишь недавно обратилась к сравнительному правоведению, литература первого периода существования этой науки в СССР знала ряд серьезных сравнительно-правовых исследований⁵.

Уже в 20-е годы сравнительно-правовой метод использовался прежде всего для показа особенностей нового, советского социалистического права как высшего и последнего типа права, качественно отличного от буржуазного права не только по содержанию, но и по форме. Создание новой, советской социалистической правовой

¹ См.: Туманов В. А. О развитии сравнительного правоведения//Советское государство и право. 1982. № 11; Тилле А. А. Социалистическое сравнительное правоведение. М., 1975; Файзиев М. М. Применение сравнительного метода в исследовании государственно-правового строительства союзных республик. Ташкент, 1978; Саидов А. Х. О предмете сравнительного правоведения//Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 8.

² См.: Файзиев М. М., Саидов А. Х. Советское сравнительное правоведение (библиографический обзор). Ташкент, 1983.

³ Керимов Д. А. Общая теория государства и права: Предмет, метод. М., 1977. С. 42.

⁴ Dutoit B. Die sowjetische Rechtsvergleichung gestern und heute//Jahrbuch für Ostrecht. 1975. N 2. S. 49—71.

⁵ См.: Графский В. Г. Опыт сравнительно-исторических исследований права в СССР в 20—30 гг.//Проблемы сравнительного правоведения. М., 1981. С. 80—96.

системы проходило на теоретической основе марксизма-ленинизма, основоположники которого не раз отмечали важную роль сравнительного метода и сами широко применяли его в изучении общественных явлений, в частности в исследовании вопросов государства и права⁶. И если в советской юридической науке того периода специально не разрабатывались проблемы «теории сравнительно-правового метода», то сам этот метод занимал видное место как в литературе, так и в преподавании юридических наук. Совершенно очевидно, подчеркивал в 1927 г. Ф. Н. Вольфсон, что только путем сопоставления с теми явлениями, которые характеризуют право современных буржуазных государств, возможно постижение до конца классового характера нашего права, осознание наших достижений в этой области. Это диктовало включение в планы занятий на правовых факультетах ряда вузов нового предмета — сравнительного правоведения. Там, где оно не было включено в учебные программы, его прорабатывали в специальных кружках и на факультативных курсах⁷.

Не только соображения научного характера и стремление к сравнительно-правовому изучению всех действующих систем права, отмечал Е. Кельман, но и развитие международного хозяйственного оборота делают все более необходимым ознакомление с правом всех современных, в том числе вновь образовавшихся государств⁸.

Уже в первые годы развития советской правовой науки имелись исследования, ставившие во главу угла именно цели сравнения ее с западными правовыми системами⁹.

Интересны замечания известного советского ученого-юриста В. Н. Дурденевского о влиянии на конституции Запада положений советских конституций: «Буржуазная Европа и Восток безусловно испытывают в своих новых конституциях — хотя бы в отраженной и видоизмененной форме — влияние советских стран... По Европе происходит своеобразная прививка социалистических начал»¹⁰. Оценивая роль сравнительного метода в конституционном праве, он писал, что «он позволяет проследить юридические принципы во всех их следствиях, осветить источники и литературу, попытаться, наконец, дать обобщение конструкции сравнительного права»¹¹.

Как видим, советские юристы «с недоверием отнеслись» не к самой компаративистике, использованию сравнительного метода, а к тем целям, которые ставило буржуазное сравнительное правоведение того периода¹². Напомним, что последнее исторически сложилось как попытка создания «наднационального» права, а социалистическая правовая теория отрицала и отрицает все буржуазные варианты «мирового права». Естественно, что буржуазные установки и основанная на них методология направления исследований вызвали резкую и справедливую критику с марксистско-ленинских позиций. В этой связи укажем на работу видного советского ученого А. Н. Трайнина «Уголовная интервенция», посвященную возникшему в 20-х годах движению за унификацию уголовного законодательства капиталистических стран. Исследовав материалы пяти конференций, проведенных участниками этого движения в различных городах Европы, А. Н. Трайнин убедительно показал, что под видом унификации законодательства в мировом масштабе западные авторы пытались сплотить усилия капиталистических государств для подавления массовых революционных выступлений трудящихся, скомпрометировать Советский Союз¹³. Острая критика этого реакционного движения содержится и в следующей его книге — «Защита мира и уголовный закон». Причины стремления к всеобщему, «мировому» гражданскому праву и утопичность этих стремлений критиковали С. И. Раевич и В. Н. Корецкий. В работе С. И. Раевича «Гражданское право буржуазно-

⁶ См.: Файзиев М. М. Использование классиками марксизма-ленинизма сравнительного метода при исследовании государственно-правовых явлений // Советское государство и право. 1973. № 8; Его же. Применение В. И. Лениным сравнительного метода в изучении общественных явлений // Общественные науки в Узбекистане. 1974. № 4.

⁷ В резолюции I Всеукраинского совещания по правовому образованию, например, отмечалось, что «системы права буржуазных государств привлекаются лишь постольку, поскольку это диктуется необходимостью при сравнительно-правовом изучении действующего советского права» (Кельман Е. И. О системе юридического образования. С приложением резолюций I-го Всеукраинского совещания по правовому образованию. Киев, 1925. С. 68, 71).

⁸ Кельман Е. И. Восточноевропейское право // Советское право. 1926. № 3. С. 36.

⁹ Гойхбарг А. Г. Сравнительное семейное право: 2-е изд. М., 1927.

¹⁰ Дурденевский В. Н. Иностранное конституционное право: В избранных образцах (с приложением текстов конституций). Л., 1924. С. 17.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Туманов В. А. Вступительная статья // Сравнительное правоведение. М., 1978. С. 5—6.

¹³ Трайнин А. Н. Избранные произведения: Защита мира и уголовный закон / Под общ. ред. Руденко Р. А. М., 1969. С. 17—69.

капиталистического мира в его историческом развитии» автор противопоставляет два периода капитализма, подводит итог тенденциям и дает сравнительный обзор гражданского права промышленного капитализма¹⁴.

Хотя сравнительно-правовые исследования на первом этапе развития сравнительного правоведения в СССР не были свободны от недостатков, нельзя не отметить их научную ценность и тот вклад, который они внесли в развитие марксистско-ленинской правовой науки, в решение задач государственно-правового строительства социалистического общества. Следует отметить, однако, моменты, связанные с недооценкой роли частнонаучных методов, отрицанием любых моментов преемственности в социалистическом праве.

II. Второй этап развития советского сравнительного правоведения, который начинается с 60-х годов, характеризуется прежде всего расширением диапазона исследований, усилением внимания к собственно методологическим проблемам, определяющим «лицо» сравнительного правоведения в современном понимании. Это связано с тем, что к сравнительному изучению правовых систем противоположных общественно-политических систем, так называемому «межтиповому сравнению», добавилось сравнение правовых систем социалистических государств и права развивающихся стран. Социалистические правовые системы потребовали широкого сравнительного анализа, во-первых, в теоретических целях, во-вторых, в практическом плане социалистического сотрудничества, в-третьих, в целях взаимного использования опыта¹⁵.

Современное советское сравнительное правоведение охватывает вопросы как общей теории государства и права, так и отраслевых правовых наук. Заметно усиливается тенденция научно-практического подхода к решению многих проблем сравнительного правоведения, ибо оно призвано и способно давать как собственно научные, так и практико-прикладные результаты, особенно важные для правотворческой деятельности. Характерными чертами современного советского сравнительного правоведения являются, во-первых, появление крупных обобщающих работ, во-вторых, повышенный интерес к общеметодологическим вопросам, в-третьих, прочная марксистско-ленинская методологическая основа и обширная источниковедческая база проводимых исследований, в-четвертых, их острая политическая и идеологическая направленность.

Большой вклад в развитие сравнительного правоведения в СССР и теоретическое осмысление его роли внесли С. Л. Зивс, В. П. Казимирчук, А. А. Тилле, В. А. Туманов, Г. В. Швеков, М. М. Файзиев и другие ученые Советского Союза. Проблемы сравнительно-правовых исследований в рамках отдельных отраслей права посвятили свои работы многие советские ученые-юристы.

Разработка теории сравнительно-правового метода, активно начатая в 60-е годы, шла в рамках более широкой проблемы — системы методов, применяемых советским правоведением. Таким путем были сформулированы важные и плодотворные положения, характеризующие сравнительно-правовой метод. В связи с исследованием системы методов юридической науки сравнительно-правовой метод рассматривали В. П. Казимирчук, В. Э. Краснянский, Ю. Я. Баскин, Д. И. Фельдман, А. А. Тилле, М. М. Файзиев, В. М. Сырых¹⁶. Значение сравнительно-правового метода в системном анализе форм права и некоторые общетеоретические вопросы сравнительного правоведения затрагиваются в работах С. Л. Зивса¹⁷. Различные аспекты использования сравнительного метода в отраслевых правовых науках освещаются в статьях А. И. Косарева, С. И. Русиновой, А. Х. Махненко¹⁸. Вопросы

¹⁴ Корецкий В. М. Униформизм в праве//Памяти академика профессора В. М. Гордона. Харьков, 1927. С. 91—109; Раевич С. И. Гражданское право буржуазно-капиталистического мира в его историческом развитии. М.; Л., 1929; Его же. Политика изобретательства и патентное право двух систем в период общего кризиса капитализма. М.; Л., 1934.

¹⁵ Туманов В. А. Вступительная статья//Сравнительное правоведение. С. 6.

¹⁶ Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1965. Гл. 3; Краснянский В. Э. Элементы сравнительно-правового метода//Правоведение. 1970. № 3. С. 25—31; Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. Международное право: Проблемы методологии. М., 1971. Гл. 3; Сырых В. М. Метод правовой науки (Основные элементы, структура). М., 1980. С. 72—84; Файзиев М. М., Тилле А. А. Сравнительный метод в правовой науке//Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 10. С. 43; Фельдман Д. И. Система международного права. М., 1983, Гл. 5.

¹⁷ Зивс С. Л. О методе сравнительного исследования в науке о государстве и праве//Советское государство и право. 1964. № 3. С. 23—35; Его же. Источники права. М., 1981. С. 46—58.

¹⁸ Косарев А. И. Об использовании сравнительного метода в историко-правовом исследовании//Советское государство и право. 1965. № 3. С. 78—86; Русинова С. И. Советская наука конституционного права и сравнительное правоведение//Вестник ЛГУ: Серия экономика, философия, право. Вып. 3. М., 1974. С. 111—117; Махненко А. Х. О методе сравнительного правоведения в исследовании

о специфическом значении сравнительного метода как способа исследования истории советской национальной государственности посвящена кандидатская диссертация Л. Д. Долгополовой «Сравнительный метод в истории советской национальной государственности» (Киев, 1978).

Всяма положительно оценивая достигнутые результаты, нельзя не отметить, что в своем развитии теория сравнительно-правового метода мало использовала эмпирический путь обобщения конкретных сравнительно-правовых исследований. В этом смысле можно сказать, что «методология сравнительного правоведения на сегодня носит в большей мере дедуктивный, чем индуктивный характер»¹⁹.

Следует отметить, что методология сравнительного правоведения отнюдь не сводится только к теории сравнительно-правового метода (хотя и занимает в ней значительное место).

Теория сравнительно-правового метода в том виде, как она существует сегодня, скорее может быть названа теорией сравнительного законодательства, чем теорией сравнительного правоведения²⁰.

Сравнительное законодательство — это сравнение нормативных актов по конкретным правовым проблемам, по преимуществу на уровне и в рамках отраслей права и правовых институтов. В этом плане уже имеются специальные обобщающие исследования²¹. В частности, в работах М. М. Файзиева рассмотрены основные исходные методологические проблемы сравнительного изучения законодательства союзных республик, значение сравнительно-правового метода при выявлении общих закономерностей и особенностей государственно-правового строительства союзных республик, а также вопросы регионального применения на практике сравнительного правоведения и др.²²

В 1973 г. появилась первая монографическая работа А. А. Тилле и Г. В. Швекова «Сравнительный анализ в преподавании юридических дисциплин» (М., 1973). Данное учебное пособие, анализирующее применение сравнительного метода в преподавании теоретико-исторических и отраслевых правовых дисциплин, иностранного и международного права в высшей школе, учитывая его ценность, было дополнено и переиздано в 1978 г. Раздел этой книги «О роли сравнительного метода в международном праве» помещен в сборнике, составленном английским ученым-юристом В. Батлером «Международное право в сравнительном аспекте», что свидетельствует о ее международном признании. В сборник включен и раздел из книги Ю. Я. Баскина и Д. И. Фельдмана «Международное право: проблемы методологии»²³.

А. А. Тилле внес большой вклад в развитие теории советской компаративистики. Его монография «Социалистическое сравнительное правоведение» (М., 1975) стала значительным явлением в марксистской разработке проблем сравнительно-правового метода исследования. Выход ее вызвал широкий резонанс. В 1980 г. С. Тадагава перевел ее на японский язык. Исследование А. А. Тилле можно рассматривать как подход к разработке теории социалистического сравнительного правоведения. Ценность этой работы состоит в том, что автор пытался на обширном материале показать место и значение сравнительного правоведения в системе юридических наук. Его выводы относятся к истории развития и современному состоянию, основным концепциям и другим общим проблемам социалистического сравнительного правоведения.

Общая характеристика и развитие сравнительного правоведения в СССР даны также в статьях В. М. Чхиквадзе и С. Л. Зивса, а также А. Ф. Шебанова²⁴. Проб-

государственного права зарубежных социалистических стран//Правоведение. 1967. № 1. С. 95—104.

¹⁹ Туманов В. А. О развитии сравнительного правоведения//Советское государство и право. 1982. № 11. С. 47.

²⁰ Туманов В. А. Вступительная статья//Сравнительное правоведение. С. 10—11.

²¹ Проблемы сравнительного исследования законодательства союзных республик/Отв. ред. Ишанов А. И. Ташкент, 1974.

²² Файзиев М. М. Применение сравнительного метода при исследовании государственного и правового строительства союзных республик/Отв. ред. Уразаев Ш. З. Ташкент, 1978; Его же. Советское сравнительное правоведение в условиях федерации/Отв. ред. Ишанов А. И. Ташкент, 1986.

²³ См. также: Фельдман Д. И. Система международного права. Казань, 1983. Гл. 5: Каменецкая Е. П. Сравнительный метод в международном праве//Деятельность государств в мировом океане. М., 1983. С. 133—142.

²⁴ Чхиквадзе В. М., Зивс С. Л. Сравнительное правоведение в практике международного научного сотрудничества//Советское государство и право. 1966. № 2; Шебанов А. Ф. Состояние и задачи сравнительного изучения законодательства союзных республик//Тезисы докладов Всесоюзного координационного совещания ВНИИСЗ «Состояние и задачи сравнительного изучения законодательства союзных республик». М., 1969; Chebanov A. F. Science du droit comparé en URSS//Revue international de droit comparé. 1975. N 1. P. 121—129; Tchikvadze V. M., Zivs S. L. L'évolution de la science juridique et du droit comparé en URSS//Livres du centenaire de la Société de législation comparée. T. 2. Paris, 1971. P. 581—600.

лемы развития русской отечественной компаративистики, особенно второй половины XIX—начала XX в., исследуются в работах Е. А. Скрипилева и В. Г. Графского, Г. В. Швекова, Р. А. Саидова²⁵. Отдельные теоретические вопросы сравнительного правоведения исследуют В. А. Козлов²⁶, М. И. Файзиев²⁷ и А. Х. Саидов²⁸.

Большой вклад в разработку методологических вопросов сравнительного правоведения вносит В. А. Туманов. Его работы отличаются теоретической новизной и ставят ряд методологических проблем²⁹.

Определенную пользу советской компаративистике принесли сборники, составленные В. А. Тумановым из статей зарубежных ученых. Сборник «Сравнительное правоведение» (М., 1978), содержащий работы авторов из социалистических стран, дает достаточно целостную информацию о состоянии сравнительно-правовых исследований в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии. Сборник статей ученых капиталистических стран «Очерки сравнительного права» (М., 1981) всесторонне отражает методологическую проблематику современного буржуазного правоведения. Следует упомянуть и изданные на русском языке работы таких известных западных ученых, как Р. Давид, М. Ансель, Ш. Амеллер³⁰. Издание подобных работ способствует расширению исследований в этой области и углубленному критическому анализу немарксистских концепций.

Один из практических аспектов сравнительного правоведения — участие советских ученых-юристов в работе многочисленных международных юридических организаций. Они успешно выступают на различных международных конгрессах, встречах за «круглым столом», симпозиумах по сравнительному правоведению. К двум конгрессам по сравнительному праву (Будапешт, 1978; Каракас, 1982) выпущены сборники советских национальных докладов на иностранных языках³¹. Они охватывают проблематику различных отраслей советского права. Можно отметить также публиковавшиеся в виде сборников материалы двухсторонних встреч советских юристов с учеными Франции, Японии, ФРГ, Англии и некоторых других стран³².

Одно из важных направлений сравнительно-правовых исследований — сопоставительное изучение основных правовых систем современности. При этом все более утверждается мысль о том, что многообразие и рост национальных правовых систем ведут к необходимости изучения правовой карты на сравнительной основе, цель которого — выявление основных тенденций правового развития в современную эпоху. Несмотря на сложность и дискуссионность проблем типологии и классификации, ряд ученых ведут исследования в этом направлении³³.

---

²⁵ Скрипилев Е. А. Историко-сравнительный метод в правоведении России второй половины XIX—начала XX вв.//Методология историко-правовых исследований. М., 1980; Его же. Утверждение историко-сравнительного метода в русском правоведении XIX—начала XX вв.//Проблемы сравнительного правоведения. М., 1981; Графский В. Из истории сравнительного правоведения; М. Ковалевский и П. Виноградов//Развитие права и юридической науки в СССР. М., 1978; Швеков Г. В. Сравнительный метод в русской историко-правовой науке (исторический обзор)//Труды ВЮЗИ. Т. 43. М., 1977; Саидов Р. А. Из истории сравнительного правоведения в России//Общественные науки в Узбекистане. 1987. № 2.

²⁶ Козлов В. А. Проблемы сравнительного правоведения//Правоведение. 1976. № 5. С. 17—24.

²⁷ Файзиев М. М. О целях, задачах и субъектах сравнительного метода исследования права//Материалы 2-ой республиканской научной конференции Узбекистана. Ташкент, 1968.

²⁸ Саидов А. Х. О сравнимости современных разнотипных правовых систем//Советское государство и право. 1984. № 1.

²⁹ Туманов В. А. Указ. работы; Его же. Законодательство и сравнительное правоведение//Совершенствование советского законодательства на основе Конституций союзных республик. Тбилиси, 1982. С. 19—28; Tumanov V. Philosophy of law and comparative law//Methodological problems jurisprudence. Moscow, 1983. P. 35—37.

³⁰ Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., 1967; Ансель М. Новая социальная защита (Гуманистическое движение в уголовной политике)/Под ред. и с вступ. статьей А. А. Пионтковского. М., 1970; Амеллер Ш. Парламенты: Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира. М., 1967.

³¹ Development du droit et de la science juridique en URSS. Moscow, 1978; El derecho en el socialismo desarrollado. Moscu. 1982.

³² См., напр.: Проблемы сравнительного правоведения. М., 1978; Проблемы сравнительного правоведения (по материалам VI советско-французского симпозиума юристов. Москва—Киев, 1979). М., 1981; СССР—Австрия: Проблемы гражданского и семейного права. М., 1983; СССР—Япония: Право и социальный прогресс. М., 1983; СССР—Англия: юстиция и сравнительное правоведение. М., 1986, и др.

³³ Саидов А. Х. Типология и классификация правовых систем современности//Правоведение. 1985. № 2. С. 46—50. См. также: Алексеев С. С. Общая тео-

Следует отметить принципиальную идеологическую направленность работ советских компаративистов, их наступательную борьбу с антинаучными и антикоммунистическими концепциями буржуазного сравнительного правоведения. Ведущие тенденции в развитии западной компаративистики критически анализируются в работах С. Л. Зивса, А. А. Тилле, В. А. Туманова, В. Н. Денисова, А. Х. Саидова³⁴.

III. Советские ученые-юристы внесли значительный вклад в разработку теории социалистического сравнительного правоведения; достижения советской компаративистики неоспоримы. Однако в связи с возрастанием роли сравнительного правоведения в современных условиях требуется новый количественный и качественный подъем сравнительно-правовых исследований. В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых проблемах, которые ждут еще своего решения.

Мы пока не имеем обобщенной оценки результатов уже проведенных исследований. Весьма содействовало бы этому издание единой, хотя бы выборочной библиографии основных работ по сравнительному правоведению. Она, несомненно, представит большой интерес для специалистов, и не только компаративистов, но и ученых-юристов вообще.

Вместе с тем нельзя не видеть некоторые существенные недостатки, сказывающиеся на теоретическом уровне исследований и их практической значимости. Многие работы носят обобщенный, а в значительной мере — постановочный характер. В связи с этим надо отметить, что в современных условиях уже недостаточно ограничиваться методологическими аспектами применения сравнительно-правового метода и следует переходить непосредственно к сравнительному правоведению.

Основное направление современного сравнительного правоведения — систематизированное изучение основных правовых систем современности как на макроуровне, так и в рамках отраслей права и ведущих правовых институтов³⁵. Очевидно, что систематизированное изучение зарубежных правовых систем нуждается в переходе на новую, более высокую ступень. В связи с наличием большого числа национальных правовых систем и значительным количеством подлежащих изучению проблем расширение круга исследований не может идти исключительно на страноведческой основе. На первое место выдвигается сравнительно-правовой анализ как в плане внутритипового, так и межтипового сравнений, а также вопрос о правовой типологии.

Не уделяется достаточного внимания методикам и процедурам сравнительно-правовых исследований. Они пока отстают от потребностей современной компаративистской практики.

В литературе различаются основные аспекты, виды и уровни сравнительно-правовых исследований. Но дело не только в этом. Не менее важно разобрать, какие виды, приемы сравнения наиболее целесообразны для анализа тех или иных объектов. Указанная технико-методическая сторона сравнительного правоведения имеет прямое научно-практическое значение. Ее разработка перспективна для дальнейшего развития социалистического сравнительного правоведения.

Ныне доминирующей формой сравнительно-правовых исследований, связанных с изучением правовых систем социалистических стран, стали совместные многосторонние и двухсторонние исследования и публикации советских ученых и ученых этих стран. За последнее десятилетие только на русском языке издано свыше 10 книг ученых социалистических стран по различным отраслям права³⁶, не считая

рия права. Т. I. М., 1981. С. 107—122, 142—144; Краснянский В. Э. Классификация правовых систем//Правоведение. 1969. № 3. С. 41—45; Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985; и др.

³⁴ Тилле А. А. Новейшие тенденции в западной компаративистике//Право и борьба идей в современном мире: Критика современных буржуазных концепций права. М., 1980. С. 122—126; Зивс С. Л. Указ. работы; Туманов В. А. Указ. работы; Денисов В. Н. Правовые системы стран тропической Африки, освободившихся от британской колониальной зависимости: Автореф. докт. дис. Киев, 1981; Его же. К критике буржуазных концепций сравнительного правоведения//Современная буржуазная политико-правовая идеология (Критический анализ). Киев, 1985. С. 158—187; Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и идеологическая борьба//Государство и идеологическая борьба. М., 1986. С. 113—117; Его же. О современном состоянии буржуазного сравнительного правоведения//Критика буржуазных политических и правовых концепций. М., 1984. С. 47—56; Его же. Новейшие тенденции западной компаративистики//Советское государство и право. 1986. № 3; Его же. Буржуазное сравнительное правоведение (библиографический обзор). Ташкент, 1987.

³⁵ В этом направлении имеется ряд содержательных работ. См.: Денисов В. Н. Системы права развивающихся стран. Киев, 1979; Крашенинкова Н. А. Индусское право: история и современность. М., 1982; Право в независимых странах Африки. М., 1969; Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. М., 1986; Трудовое право социалистических стран. М., 1981; и др.

³⁶ См., в частности: Семейное право зарубежных европейских социалистических стран/Под ред. Грибанова В. П. и Беляковой А. М. М., 1979; Трудовое право со-

сборников материалов различных конференций и симпозиумов, где они выступают с разделами, посвященными своему национальному праву. Однако, несмотря на важность такой формы научного сотрудничества, уровень сравнительно-правовых обобщений в этих работах не всегда достаточен, тем более, что многие из них построены по страноведческому принципу. Эмпирический правовой материал, содержащийся в этих работах, еще не использован для разработки проблематики зарубежных социалистических правовых систем на уровне общей теории права. В связи с накоплением значительного эмпирико-правового материала и уже подготовленных совместных многосторонних и двухсторонних исследованиях настало время обобщающих теоретических работ по зарубежному социалистическому праву на макроуровне в рамках сравнительного правоведения.

Мало внимания уделяется и изучению новейших тенденций современных правовых систем капиталистических и развивающихся стран. Следует признать, что в советском сравнительном правоведении нет пока работы, охватывающей основные правовые системы современности. Это еще раз напоминает о необходимости создания марксистско-ленинской концепции современной правовой карты мира, где социалистическое право должно выступать как определяющее начало правового прогресса в современную эпоху.

Одной из мер дальнейшего развития советского сравнительного правоведения, на наш взгляд, следует признать введение в университетах учебного курса «Основные правовые системы современности»³⁷. Он должен постоянно совершенствоваться и более полно охватывать новый научный материал, проблемы и литературу.

Критический анализ современной западной компаративистики — важное направление развития советского сравнительного правоведения. Отмечая определенный вклад советских ученых в исследование проблем западной компаративистики, следует отметить, что до сего времени нет монографической работы, в которой давались бы марксистско-ленинская оценка роли и значения сравнительного правоведения в системе буржуазной юридической науки на различных этапах ее исторического развития, критика ее антинаучных концепций.

Углубленная разработка указанных и иных актуальных проблем сравнительного правоведения — важнейшая задача советской юридической науки.

М. М. Файзиев, А. Х. Саидов

циалистических стран/Отв. ред. Смирнов О. В. М., 1981; Земельное законодательство зарубежных стран/Отв. ред. Аксененок Г. А., Краснов Н. И., Фомина Л. П. М., 1982; Современные тенденции социалистического уголовного права/Отв. ред. Кудрявцев В. Н. М., 1983; Гражданский процесс в социалистических странах — членах СЭВ: В трех частях/Под ред. Добровольского А., Неван Л. М., 1977, 1978; и др.

³⁷ Туманов В. А. О развитии сравнительного правоведения//Советское государство и право. 1982. № 11. С. 48. Этот учебный курс читается в качестве специальной дисциплины в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы и на юридическом факультете ТашГУ им. В. И. Ленина.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Г. ЛЕВТЕЕВА. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ В МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКАХ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

(Ташкент: Фан УзССР, 1988. 142 с.)

Советские ученые проделали значительную работу по изучению истории присоединения Средней Азии к России. Однако все еще ждет всестороннего и глубокого исследования ряд вопросов, без которых едва ли можно представить себе полную картину истории края. В их числе прежде всего следует отметить историографию проблемы, по которой нет пока крупного монографического исследования. Это существенный пробел исторической науки. В этой связи выход в свет работы Л. Г. Левтеевой заслуживает особого внимания. Автор поставила перед собой задачу — на основе критического анализа и обобщения мемуарных документов показать важное значение их в изучении политического и социально-экономического положения края. Нельзя не согласиться с ее утверждением о том, что мемуары — документы личного происхождения — объединяет наличие субъективности суждений. Как и другие виды исторических источников, они несут на себе печать своего времени, отражают действительность сквозь призму социально-экономических, политических и других взглядов и жизненных интересов людей.

Источниковедческая база исследования весьма богата и разнообразна, большинство мемуаров впервые вводится в научный обиход. Так, в монографии использованы мемуарные материалы, хранящиеся в архивах: Министерства иностранных

дел СССР, Центральном военно-историческом архиве СССР, Центральном государственном архиве Октябрьской революции, Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде и Центральном государственном архиве Узбекской ССР. Кроме того, изучены фонды активных участников военных походов в Среднюю Азию Н. И. Гродекова (1843—1914), М. Г. Черняева (1827—1898), хранящиеся в отделе письменных источников Государственного исторического музея г. Москвы. В монографию вошли и материалы из фонда военного министра Д. А. Милютин (1816—1912).

В начале книги рассматриваются воспоминания и дневники участников и организаторов военных походов в Среднюю Азию. В частности, значительное внимание уделено мемуарам Д. А. Милютин, который, находясь на высоких постах, имел непосредственное отношение к событиям в Средней Азии.

С интересом читаются разделы, охватывающие мемуары представителей демократических кругов русского общества (М. С. Знаменского, В. В. Верещагина, А. А. Майера и др.), выдающихся ученых (П. П. Семенова, Н. А. Северцова, А. П. Федченко и др.). Вместе с тем дается критический анализ мемуаров представителей царской колониальной администрации.

В книге широко использованы воспоминания многих участников революционного движения в крае (К. Д. Литвишко, А. Г. Калашникова, Д. С. Золотарева, А. С. Паренкова и т. д.), позволяющие воссоздать более полную картину событий периода первой русской революции в конкретных условиях Средней Азии.

Характеризуя работу Л. Г. Левтеевой в целом, следует отметить, что она отличается своей новизной и содержательностью. По сути дела это — первое специальное исследование мемуарных источников по истории Средней Азии.

Однако работа не лишена отдельных недостатков. На наш взгляд, содержание ее гораздо шире названия: речь в ней идет не только о присоединении края к России, но главным образом о его политическом и социально-экономическом положении, а также о революционном движении.

Из поля зрения автора выпали воспоминания представителей коренного населения, в частности С. Касымходжаева — активного участника революции 1905—1907 гг.

В книге схематично представлены воспоминания участников военных походов в Среднюю Азию. Вероятно, автор не смогла этого сделать из-за ограниченности объема книги, но надо было хотя бы подробнее остановиться на мемуарах отдельных лиц, в частности М. Г. Черняева и М. Д. Скобелева, проявивших наибольшую активность в присоединении края к России.

Известно, что ликвидация Кокандского ханства совпала с движением Пулатхана. В связи с этим немалое число военных лиц были участниками и свидетелями этих событий в ханстве. Поэтому воспоминания их представляют значительный интерес. Однако в книге им посвящено лишь несколько строк.

Автор говорит о развитии капиталистических отношений в Туркестане (с. 49), тогда как здесь речь может идти только о зарождении их.

В книге приводятся отдельные цитаты из мемуаров, имеющие в общем-то малую значимость. Например, автор пишет: царская администрация была настолько напугана революционным движением, что даже самые невинные просьбы осужденных вызвали страх у ее представителей. «Когда я (начальник Закаспийской области В. А. Косовский.— Х. З.) в половине февраля 1906 г. был в Мерве, на гауптвахте, поручик Долгиев жаловался на то, что его никуда не пускают и просил у меня отдать приказание, чтобы отпустили гулять. Одна эта просьба привела в ужас тут же стоящего коменданта гор. Мерва, храброго штаб-офицера; разумеется, я отказал» (с. 70).

Труды П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. П. Федченко, Л. Ф. Костенко, И. В. Мушкетова, Д. Н. Логофета и других ученых в книге целиком отнесены к мемуарным источникам. Между тем они носят прежде всего научный характер. Правда, у них имеются отдельные данные мемуарного характера, но не они определяют основное направление их научных трудов.

В целом же книга заслуживает положительной оценки как полезный вклад в разработку историографии проблемы.

Х. З. Зияев

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ «ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В УЗБЕКИСТАНЕ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ И МНОГОЯЗЫЧИЯ И ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ»

В сентябре 1987 г. в республике была утверждена комплексная программа «Русский язык». В рамках ее 24—25 декабря 1987 г. в Ташкенте на базе Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР была проведена научно-практи-

ческая конференция «Функционирование национальных языков в Узбекистане в условиях двуязычия и многоязычия и вопросы совершенствования их изучения».

В течение двух дней ученые АН СССР и УзССР, преподаватели университетов, пединституты и общеобразовательных школ, а также представители Министерств высшего и среднего специального образования и просвещения республики обсуждали актуальные вопросы совершенствования изучения русского языка как средства межнационального общения народов СССР и повышения культуры речи на родном языке коренных жителей Узбекистана. Значительная часть докладов была посвящена социолингвистическому анализу функционирования русского и узбекского языков в различных сферах общественно-производственных отношений многонациональных трудовых коллективов. Всего было заслушано 68 докладов и сообщений.

В выступлениях докторов филол. наук И. У. Асфандиярова, А. Н. Баскакова, О. М. Ким, Д. М. Мирсаидова, А. Шерматова и других говорилось о реализации национально-языковой политики КПСС в республиках Средней Азии, рассматривались особенности этнолингвистических и социально-демографических факторов в развитии национально-русского двуязычия, вопросы функциональной стратификации языков в условиях двуязычия и многоязычия, исторические причины зарождения и становления двуязычия на территории республики.

Большая часть докладов была сконцентрирована на анализе современного состояния национально-русского двуязычия и многоязычия. В них подчеркивалась необходимость совместного решения вопросов овладения русским языком как средством межнационального общения и повышения культуры родной речи. Многие докладчики отмечали отставание в изучении социолингвистических проблем двуязычия и многоязычия. Первыми попытками осмысления сложных аспектов двуязычия следует считать доклады по вопросам функционирования языков в сферах промышленности, транспорта, связи и сельского хозяйства. Однако во многих докладах социальные аспекты двуязычия и многоязычия отодвигались в сторону, уступая место решению узкометодических вопросов преподавания языков. Некоторые выступающие не смогли отойти от традиционных приемов интерпретации научного материала, увлекаясь цитированием и общими рассуждениями, без конкретного анализа избранной для выступления темы.

Острая дискуссия разгорелась за «круглым столом», где высказывались порой прямо противоположные мнения. Абсолютное большинство участников «круглого стола» решительно отвергло тезис ст. научного сотрудника ИЯЛ АН УзССР С. С.-Д. Кима, якобы в настоящее время активизируется процесс отмирания национальных языков в результате расширения сфер функционирования русского языка и строгого закрепления за ним этих сфер. Мнение большинства сводилось к тому, что современное развитие национально-русского двуязычия не ущемляет интересы национальных языков, а в значительной степени способствует их развитию и обогащению.

Много наболевшего высказано при обсуждении причин низкого уровня культуры русской и родной речи. Были предъявлены претензии школьному обучению, где формальный подход к делу не дает положительных результатов, рассмотрены причины социального характера: привлечение школьников на сельхозработы, слабый уровень профессиональной подготовки учителей школ и преподавателей вузов. Об этом, в частности, говорили Л. М. Невзорова, Г. Муталлибова, В. И. Болотов, Э. Юнусова, Т. Н. Иванова, Т. В. Булгакова, А. Б. Бабаходжаев, А. И. Нечаева, Ф. Б. Иноятова.

Взаимовлияние узбекского и русского языков — вот круг вопросов, которым посвятили свои доклады С. Атамирзаева, Н. Гулямова, Д. Рашидова, В. М. Бельдиян, Э. К. Саидкулов и др.

В выступлениях С. Караева, К. Р. Бабаева и Х. Г. Нигматова было обращено внимание на важную социальную функцию узбекского языка в условиях узбекско-таджикского, узбекско-киргизского и узбекско-уйгурского двуязычия в республике.

Участники конференции отмечали слабую координацию усилий лингвистов республики и недостаточную активность решения основных положений комплексной программы «Русский язык». Высказано пожелание довести ее содержание до ученых не в сжатом газетно-информационном изложении, а в полном виде. В рекомендациях конференции намечены пути объединения усилий специалистов Академии наук и преподавателей лингвистических и методических кафедр вузов по расширению социолингвистических исследований в республике, что в значительной степени позволит повысить речевую культуру населения.

С. И. Зинин, Э. Д. Панасенко

МУНДАРИЖА

Ижодий ҳамкорлик — фанни ривожлантиришда асосий фактор	3
Орол экологияси ва Оролбўйини социал-иқтисодий ривожлантириш муаммолари	
Г. В. Воропаев, Г. Х. Исмоилов, А. А. Бостанжогло. Илмий-техника тараққиёти ютуқларини ҳисобга олган ҳолда Орол денгизи ҳавзасининг дарёлари ер-сув ресурсларидан фойдаланишни жадаллаштириш	5
Совет жамияти тарихининг муҳим муаммолари	
Р. Ҳ. Қаримов. Нэп Ўзбекистонда: қонунийлик ва хусусият	15
С. И. Воробьева. Ҳуқуқ, ахлоқ, урф-одат: бир-бирига сингиб кетиш ва бир-бирига таъсири	27
Н. И. Абдурахмонов. Структуралилик принципининг методологик ва эвристик аҳамияти	34
Фундаментал, амалий, табиатни муҳофаза қилиш тадқиқотларининг, социал самарали комплекс тадқиқотларда ўз ҳиссаси билан қатнашишнинг самарадорлигини баҳолаш методикаси	40
Илмий ахборот	
Х. Хусанов. Кооператив савдо ривожланишининг баъзи жиҳатлари	48
А. Ф. Назаров. Ибн Холдун музика санъатининг ижтимоий моҳияти ҳақида	50
М. М. Абдураззоқова. Абу Мансур ас-Са'алибининг «ат-Тамсил ва-л-мухадара» асарини ҳақида	53
У. И. Исломов, К. А. Крахмаль, М. Х. Годин. Қадимги палеолит Сель-Унгур манзилгоҳининг литолог-фациал ва палеоклиматик тадқиқоти	56
Тарихшунослик	
М. М. Файзиев, А. Х. Саидов. Совет юридик адабиётларида қиёсий ҳуқуқшунослик проблемалари	59
Танқид ва тақриз	
Х. З. Зияев. Л. Г. Левтеева. Урта Осиёнинг Россияга қўшилиши мемуар манбаларда: проблеманинг тарихшунослиги	65
Хроника	
С. И. Зинин, Э. Д. Панасенко. «Ўзбекистонда иккитиллилик ва кўп-тиллилик шаронтида миллий тилларнинг ишлатилиши ва уларни ўрганишни такомиллаштириш масалалари»га бағишланган конференция	66

СОДЕРЖАНИЕ

Творческое сотрудничество — важный фактор развития науки	3
Проблемы экологии Арала и социально-экономического развития Приаралья	
Г. В. Воропаев, Г. Х. Исмайылов, А. А. Бостанджогло. Интенсификация использования водно-земельных ресурсов рек бассейна Аральского моря с учетом достижений научно-технического прогресса.	5
Актуальные проблемы истории советского общества	
Р. Х. Каримов. Нэп в Узбекистане: закономерности и специфика	15
С. И. Воробьева. Право, мораль, обычаи: взаимопроникновение и взаимодействие	27
Н. И. Абдурахманов. Методологическое и эвристическое значение принципа структурности	34
Методика оценки эффективности фундаментальных, прикладных, природоохранных исследований, долевого участия в комплексных исследованиях с социальным эффектом	40
Научные сообщения	
Х. Хусанов. Некоторые аспекты развития кооперативной торговли	48
А. Ф. Назаров. Ибн Халдун о социальной сущности музыкального искусства	50
М. М. Абдуразакова. О труде Абу Мансура ас-Са'алиби «Ат-Тамсил ва-л-мухадара»	53
У. И. Исламов, К. А. Крахмаль, М. Х. Годи. Литолого-фациальные и палеоклиматические исследования древнепалеолитической стоянки Сель-Унгур	56
Историография	
М. М. Файзиев, А. Х. Саидов. Проблемы сравнительного правоведения в советской юридической литературе	59
Критика и библиография	
Х. Э. Зияев. Л. Г. Левтева. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках: историография проблемы	65
Хроника	
С. И. Зинин, Э. Д. Панасенко. Конференция «Функционирование национальных языков в Узбекистане в условиях двуязычия и многоязычия и вопросы совершенствования их изучения»	66

НАШИ АВТОРЫ

- Воропаев Г. В.**— член-корреспондент АН СССР, директор Института водных проблем АН СССР.
- Исламов У. И.**— доктор исторических наук, зав. отделом первобытной археологии Института археологии АН УзССР.
- Исмайылов Г. Х.**— доктор технических наук, зав. лабораторией Института водных проблем АН СССР.
- Файзиев М. М.**— доктор юридических наук, зав. отделом государствоведческих наук Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Бостанджогло А. А.**— кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Института водных проблем АН СССР.
- Воробьева С. И.**— кандидат юридических наук, ст. преподаватель юрфака ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Каримов Р. Х.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Назаров А. Ф.**— кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Саидов А. Х.**— кандидат юридических наук, зав. сектором Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Годин М. Х.**— ст. научный сотрудник ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Абдурахманов Н. И.**— преподаватель философско-экономического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Абдуразакова М. М.**— ст. лаборант Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Крахмаль К. А.**— ст. лаборант Института археологии АН УзССР.
- Хусанов Х.**— аспирант Института экономики АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349